

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

БИЗНЕСМЕН

Сергей Майоров

Annotation

Продолжение криминальной саги известного петербургского писателя и сценариста Сергея Майорова о судьбе перспективного спортсмена Константина Ордынского. Когда ты достиг всего, о чем мечтал, ты вправе решить, что жизнь удалась. Чемпион дорос от «бригадира» до крупного бизнесмена, стал солидным и уважаемым человеком. Но спортсмену никогда нельзя расслабляться – иначе можно пропустить нокаутирующий удар. Вокруг Ордынского начинают происходить страшные и загадочные события: сначала он теряет близкого друга, потом сына... Кто запустил эту смертоносную карусель? Сама судьба или кто-то ей в этом помог? Решающий момент настал, время истекает. Найти врага и уничтожить – вот задача Чемпиона.

- [Сергей Майоров](#)
    - [Часть первая](#)
      -
      - [Глава первая](#)
      - [Глава вторая](#)
      - [Глава третья](#)
      - [Глава четвёртая](#)
      - [Глава пятая](#)
      - [Глава шестая](#)
      - [Глава седьмая](#)
      - [Глава восьмая](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Сергей Майоров

Бизнесмен

*Если долго всматриваться в пропасть,
то пропасть начнет всматриваться в тебя.*

Ницше

Часть первая

Гнездо «глухарей»

Инспектор дорожно-патрульной службы Корягин и его напарник, прапорщик Белый, патрулировали Выборгское шоссе. До конца смены оставалось немного. У знакомого шашлычника в Сертолово они плотно перекусили, потом прошивырнулись до стационарного поста, потрепались с ребятами. Пришло сообщение о ДТП, и они отправились проверить заявку. Оказалось, ничего страшного. Пострадали только машины, и водители договорились между собой до приезда наряда. На обратном пути заметили голубую «копейку», шедшую со стороны Питера. Подрезав встречную фуру, она совершила левый поворот на дорогу на Каменку.

– Проверим? – Белый повернул вслед за ней и придавил педаль газа. Спидометр показал сотню. «Копейка» стала приближаться, но не так быстро, как можно было ожидать. Видимо, ее водитель тоже прибавил скорость. Кроме него в машине сидел один пассажир.

– Не нравятся они мне, – задумчиво сказал Белый.

Корягин кивнул. Они давно работали вместе, так что часто думали одинаково. Спроси их кто-нибудь, отчего замызганный драндулет показался им подозрительным – они бы не смогли объяснить. Просто интуиция подсказывала, что машину стоит проверить. Может, тачку угнали молодые оболтусы. А может, багажник забит краденым барахлом. В любом случае поинтересоваться не вредно. Инспекторы переглянулись, и Корягин растянул кобуру. Кто знает, чем все обернется. В этих глухих местах можно нарваться...

«Копейка» вдруг сбросила скорость, и патрульный автомобиль почти уперся ей в багажник. Прочитав номер, Корягин сказал по «матюгальнику»:

– Триста двадцать седьмой, приказываю остановиться...

«Копейка» послушно прижалась к обочине и замерла. Патрульный автомобиль, клюнув носом, перегородил ей дорогу. Перегородил чисто номинально: назад все равно можно было уехать. Белый остался сидеть, не выключая мотора, Корягин же вышел, держа руку у кобуры. В «копейке» находилось двое кавказцев, насколько разбирался инспектор – азербайджанцев. У водителя на шее висел дорогой сотовый телефон, у пассажира поверх футболки блестела толстая золотая цепочка. Не

похожи они на безобидных работяг с продуктового рынка...

Водила выскочил из машины, протягивая документы:

– Добрый дэнь, командир!

– Добрый, добрый. – Корягин небрежно козырнул и, беря документы, строго спросил: – Почему нарушаем?

– Как нарушаем? – водитель развел руками.

– Встречного не пропустили. И скорость превысили! С какой скоростью ехали?

– Шестьдесят.

– Да? А сто двадцать не хочешь?

Корягин посмотрел права, свидетельство о регистрации автомобиля. Развернул доверенность. Она была рукописной, выданной полгода назад. Можно и не читать: чтобы там ни написали, а придаться почти невозможно.

– Техосмотр когда проходили?

– Вот, одноразовый! – Кавказец улыбнулся, и Корягин, опустив взгляд, увидел, что тот держит между пальцев сторублевую бумажку. Инспектор поднял голову...

...поднял голову и вздрогнул, чуть не выронив чужие документы. Стоявший перед ним кавказец сейчас меньше всего походил на рыночного торговца или хозяина магазинчика, привыкшего обжужливать покупателей, но традиционно заискивающего перед милицией. Скорее это был боевик, наострившийся резать глотки врагам в районе Нагорного Карабаха. Взглядом, который он устремил на инспектора, можно было прожечь броню танка. И хотя это длилось мгновение, Корягину стало не по себе. Он даже оглянулся на Белого. Тот выключил двигатель и стоял возле машины, облокотившись на крышу и открытую дверь.

– Виноват, да, – повторил кавказец и чуть поднял руку, чтобы сторублевка стала заметнее.

Корягин подумал, что надо взять деньги и отпустить черного с миром. Или денег не брать, а выписать штраф. В конце концов он не опер, чтобы подозревать всех подряд и ко всему цепляться. Его дело за дорогой следить, а преступления раскрывают и террористов отлавливают пускай те, кого этому обучали и кому за это платят особо.

Так он подумал, и тут же ему стало стыдно. Нашел, кого бояться! Этого чернота сюда кто-то звал? Сам приехал, потому что работы на родине нету? Все они так говорят! Раз сами приехали, то пусть и подчиняются нашим законам

– Значит, так, – произнес Корягин решительно. – По поводу

отсутствия техосмотра будем составлять протокол. А сейчас ваш паспорт, пожалуйста.

– Нэт паспорта, – сторублевка исчезла, и голос кавказца чуть изменился, прибавилось металла.

– А у второго есть документы?

– Нэт! Зачем ему? Он ведь нэ за рулем.

– Затем, что паспорт с собой носить всегда надо. Регистрация в городе есть?

– Временная, как положено, да!

Корягин сунул документы водителя в карман и велел:

– Откройте багажник.

– Замок сломан, нэ открывается, – кавказец сокрушенно пожал плечами и продемонстрировал связку, на которой один из ключей действительно был обломан. – Никак починить нэ могу. Там и нэт ничего...

– Совсем нет? Я вот думаю по-другому. – Корягин покосился на Белого. Напарник безмятежно стоял в прежней позе и даже что-то насвистывал. Он, конечно, не заметил, как сверкал глазами этот черный, но мог бы вести себя осмотрительнее. – Значит, едем все вместе в сорок девятое отделение и там разбираемся. Личности ваши как следует установим, багажник откроем...

– Зачем, командыр? – тихо спросил кавказец, и взгляд его в очередной раз изменился. Того накала, который довелось видеть инспектору, он не достиг, но и от прежней покорности не осталось и следа.

– Зачем, говоришь? А за шкафом! – грубым тоном Корягин постарался как придать уверенности себе, так и привлечь внимание Белого. Получилось все сразу но, к сожалению, лишь отчасти.

– Всэгда можно договориться.

– Сегодня не выйдет!

Ругательство на незнакомом языке заставило инспектора вздрогнуть.

Неуловимым движением кавказец выдернул из рукава куртки нож с тонким лезвием. В следующую секунду клинок вошел Корягину под ребра, провернулся и вырвался на свободу, распоров брюшную полость и почти не испачкавшись в крови. Инспектор качнулся, стекленеющим взглядом посмотрел вниз, захрипел...

Кавказец крикнул что-то своему товарищу. Тот пулей вылетел из машины, на ходу выдирая из-под одежды «макаров». Только после этого Белый очнулся от столбняка. Непослушной рукой он лапал висящую на поясе кобуру, в то время как противник передернул затвор и вытянул руку

с оружием в его сторону. Выстрелы грохнули дважды, и прапорщик полетел в дорожную пыль, чувствуя, как глаза заливают горячая кровь.

Тем не менее он был жив и даже ранение получил не слишком серьезное. Пуля прошла по касательной, скальпировав височную область. Пистолет оказался в руке, патрон был дослан в патронник перед началом дежурства, и оставалось только снять предохранитель. Свободной рукой протирая глаза, Белый сбил «флажок» в нижнее положение. Оставалось только прицелиться...

Кавказец с ножом наклонился и вытащил свои документы из кармана мертвого инспектора. Распрямляясь, крикнул товарищу:

- Добей второго.
- Он мертв.
- Сделай контрольный...

Лежа возле машины, прапорщик Белый слышал их голоса и пытался понять, о чем они говорят. Подняться сил не было. Он знал, что нужно вскочить и, прикрываясь капотом, открыть стрельбу. Но его этому никогда не учили. Последний раз он был в тире три года назад, отстрелялся по неподвижной мишени и получил свой зачет, набрав двадцать шесть очков из тридцати. Тогда инструктор его похвалил. Сейчас инструктора не было, как не было и безобидного бумажного силуэта, который можно дырявить до полного опупения без риска нарваться на ответный огонь. Было больно, был страх, была совершенно невозможная ситуация, о которой можно прочитать в сводках, но в которой нереально оказаться самому. Он оказался и чувствовал себя кем угодно, только не героем. Хотелось, чтобы все быстрее закончилось, чтобы все стало, как прежде. Но как прежде быть уже не могло...

- Сделай контрольный!

Усатый кавказец с «макаром» кивнул и стал подходить к патрульной машине. В тире он не бывал и «Упражнение № 1» на зачет не сдавал, но прошел несколько войн и с оружием обращаться умел. Он был уверен, что зацепил мента качественно, и тот если не сдох, то валяется без сознания и готовится отойти в мир иной.

Увидев ноги противника в пространстве между дорогой и патрульной машиной, Белый вытянул руку и, почти что не целясь, трижды надавил спуск. Раздался крик, и противник рухнул перед машиной. Дульный срез гаишного пистолета и голову азербайджанца теперь разделяло не больше двух метров. Прапорщик выстрелил, голова дернулась, из затылка выплеснулся черный фонтанчик. Не веря, что так легко убил человека, прапор палил еще и еще, пока патроны не кончились. Когда это произошло,

он неожиданно ловко сменил магазин и, ошалевший и окрыленный успехом, вскочил.

Второй противник пытался вытащить пистолет из кобуры Корягина, но грузный инспектор придавил ее своим боком, и ничего не получалось.

Увидев неподвижное тело напарника, Белый заорал благим матом:

– Женька! Евгений!

Дрожащие руки никак не могли совместить мушку с целиком. Белый выстрелил, и пуля вонзилась в березу за спиной черномазого. Тот вначале присел на корточки, замер, а потом, на полусогнутых, ломанулся прочь от дороги, стремясь укрыться среди деревьев. Белый шмалял ему вслед, целя в мелькающую между ветвей и стволов светлую куртку, пока не израсходовал весь боезапас. Один раз вроде бы зацепил. Противник споткнулся, грохнулся наземь, но тут же проворно вскочил и, задрав зад и опустив голову, скрылся из вида.

Все было кончено. Непослушной рукой прапорщик запихал пистолет в кобуру. Подошел к Женьке Корягину, сел рядом, стал нащупывать пульс. Заметив, как в остекленевших глазах отражается солнце, оставил это занятие.

Он доложил по радиации о случившемся, закурил и остался сидеть рядом с погибшим товарищем. Пороховой дым еще не развеялся, а по ветвям окружавших дорогу деревьев прыгали и перекликивались любопытные птицы.

Белый подошел к багажнику «копейки» и врезал каблуком по замку. Что-то сломалось, и крышка со скрипом приподнялась. Белый подцепил ее пальцами и открыл целиком.

В багажнике оказалось много тряпок и старых газет. Инспектор отбросил их и отшатнулся, увидев перед собой будто вмурованное в глыбу льда мертвое тело.

Молодую девушку с короткими черными волосами покрывало несколько слоев полиэтилена. Она была полностью обнаженной. Ноги были поджаты к груди, локти обнимали колени.

В диске запасного колеса Белый увидел ржавое зубило, и приподнял им пленку.

С момента смерти девушки прошло не менее суток.

И смерть ее не была легкой.

Глава первая

Труп старого друга

Я вышел во внутренний дворик особняка, в котором располагался мой офис, и остановился посмотреть, как рабочие заканчивают косметический ремонт здания.

Их бригадир, куривший в тенике под навесом для парковки машин, бросил сигарету и подбежал ко мне, грязными руками вытирая пот со лба и поправляя желтую каску:

– Идем с опережением графика, Константин Андреевич. К субботе закончим.

– Я вижу.

Я достал пачку «Мальборо-лайт». Бригадир торопливо поднес зажигалку. Я прикурил и кивнул в знак благодарности. Бригадир нерешительно остался стоять рядом со мной, наверное, ожидая вопросов.

Старинный особняк на Петроградской стороне мы получили в полную собственность месяц назад, и я сразу затеял ремонт, желая лишний раз показать, насколько успешно идут дела возглавляемого мною холдинга «Балтийская корпорация современной фармацевтики «Панацея». В свете запланированных на лето контрактов с новыми партнерами такой жест мне представлялся не лишним. Мишка Кушнер, мой лучший друг и заместитель по экономике, считал эту затею пустой тратой денег, но я к его мнению не прислушался. Он в последнее время стал скуповат и стремился экономить на любой мелочи.

С делами на сегодня было покончено. Не обращая внимания на бригадира строителей, я подошел к своей машине, спортивному «БМВ-Z3 купе» серебристого цвета. Она была куплена менее полугода назад и до сих пор радовала меня. Сесть за руль? Перспектива стояния в пробках не вдохновляла, и я бросил ключи старшему группы охраны:

– В Басков переулок.

Там я снимал квартиру для своей любовницы Карины.

БМВ, а вслед за ним джип с двумя охранниками выехали со двора. Я позвонил на «трубку» Инге:

– Привет. Чем занимаешься?

– Еду из солярия домой. Скоро Артем должен из школы приехать.

Артем – мой сын. А Инга, соответственно, жена. Скоро будет семнадцать лет, как мы расписались. Среди моих знакомых мало кто мог

похвастаться таким длительным браком. Впрочем, я тоже не хвастался... Мы выглядели идеальной парой, но в наших отношениях давно что-то перегорело. Остались только привычка и взаимное уважение, воспитанные трудными годами, когда я полуинвалидом вернулся из армии и занялся тем, что сейчас принято называть «первоначальным накоплением капитала».

– ...когда ты приедешь?

– Что? Извини, я отвлекся. Не знаю, малыш. Очень много работы.

Я выключил телефон и сказал старшему группы охраны:

– Скажи своим, пусть купят цветов.

Он позвонил по мобильнику, и джип куда-то свернул. Нагнал нас перед самым домом. Я вышел, и один из «телков» подбежал с огромным букетом белых роз. Прежде чем взять их, я наклонился в открытую дверь БМВ и приказал:

– Пусть кто-нибудь сгоняет тачку на мойку. А сам жди здесь. Я буду часа через два.

Ошибся! Покинуть квартиру Карины мне пришлось значительно раньше...

...Мы лежали, расслабленные, на огромной кровати, когда подал голос сотовый телефон. Для некоторых абонентов, наиболее важных, у меня выставлены индивидуальные мелодии. Сейчас проиграла мелодия из «Крестного отца», и я поспешил найти аппарат, зарытый в куче моей одежды на кресле

Черт, неужели что-то случилось?

Начальник службы безопасности нашего холдинга, бывший мент Лев Валентинович Цыганков всю текучку мог решить сам, и выходил на связь только в экстренных случаях.

– Константин Андреевич, убили Кушнера.

У меня перехватило дыхание. Начальник СБ выдержал паузу. Из трубки доносились посторонние шумы: видимо, он звонил из движущейся машины.

Приподнявшись на локте, Карина наблюдала за мной. Я вскочил, вышел в соседнюю комнату. Закрыл дверь и только после этого спросил:

– Кто?

Дурацкий вопрос! Будь это известно, Валентиныч не стал бы тянуть.

– Пока неясно.

– А что охрана?

– Проворонила.

– Козлы...

Я нашел сигареты, закурил и сел на холодный кожаный диван. Закрыл

глаза. С Мишкой мы виделись утром. Поговорили, выпили кофе. Он выглядел, как обычно. Не был встревожен, не был напуган. Это что-нибудь значит? Может, и значит. А может, и нет. Будет ясно, когда отыщем убийц. Если отыщем...

– Где это случилось?

– В его подъезде.

– Я выезжаю!

* * *

Картина вырисовывалась простая и непонятная.

До часу он занимался делами, в час двадцать позвонил маме и сообщил, что приедет обедать. Кушнер до сих пор жил вместе с матушкой, в старой квартире на Хо Ши Мина, только сделал ремонт и прикупил однокомнатную на той же площадке, чтобы было, куда водить девушек...

Без четверти два он был у матери. Охрана – три тупых лба, осталась в машине около дома. Раньше один из них провожал Мишку до двери квартиры и ждал возле нее, сколько бы ни потребовалось, но потом, якобы по настоянию самого Кушнера, все упростили. Привезли к дому – дождались в машине – повезли дальше. Типа, Михаил был против жесткой опеки. Раздражало это его...

До трех охранники не волновались. Обычно Кушнер проводил дома не больше сорока минут, но всяко бывает... Вот они и не волновались. Расслабились, педерасты! А в три ноль пять услышали женские крики. Один поднялся по лестнице и на площадке около лифта, на восьмом этаже, где жил Кушнер, увидел труп и склонившуюся над ним женщину.

Мишина мама, проводив сына, устроилась у окна, чтобы посмотреть, как он сядет в машину. Когда минули все разумные сроки, она вышла и наткнулась на его мертвое тело.

Два выстрела из ТТ с самодельным глушителем. Пистолет бросили тут же. Один выстрел в спину, между лопаток, второй – в голову. Похищен портфель с документами. Киллера никто не заметил. Замок подвала сломан, так что он мог перебраться в соседний подъезд и выйти оттуда, не привлекая внимания. Это – если верить нашим охранникам, которые клялись, что в интересующий период времени из подъезда вообще никто не показывался. Но как им можно верить?

Вот уроды!

– Обоих в оборот. Делайте, Лев Валентинович, что хотите, но правду

мы должны знать...

В ноябре девяносто восьмого Цыганков уволился из РУБОПа на пенсию и пришел в наш холдинг на официальную должность начальника Службы экономической безопасности. Мой выбор многим пришелся не по нутру. В особенности Рамису, которому пришлось умерить амбиции и довольствоваться креслом заместителя Цыганкова. Рамис происходил из наших, спортивных, кругов, не имел ни малейшего отношения к официальным структурам и нес бремя обеспечения этой самой экономической безопасности неформальными методами. Цыган и Татарин с трудом находили общий язык, и я мог быть почти уверен, за моей спиной они не сговорятся о подлости. Скорее глотки друг другу перегрызут.

– Второе: я должен быть в курсе всего, что делает уголовка.

– Пока что прокурор не дал санкции, но в ближайшие дни они завалятся в офис с обыском.

– Пусть заваливаются, нам скрывать нечего. Позаботьтесь, чтобы все прошло гладко. Третье: похороны – по высшему разряду. Вас это не напрямую касается, но примите участие, я очень прошу. В плане безопасности и прочего. Четвертое: его девушка, Ольга...

– Она ничего не знает.

– Да? – я поразился уверенности тона, с которым ответил Цыган.

– Так точно. Проверено. Он ее в дела не посвящал.

– Что ж, может быть...

В отношениях с бабами Кушнер постоянством не отличался. Менял их, словно перчатки. И только с Ольгой, которая появилась вскоре после Нового года, начало складываться что-то серьезное. По крайней мере мне так казалось. Но Цыганков вполне может быть прав. Что бы там ни планировалось в перспективе, пусть даже свадьба и дети, Михаил вряд ли стал бы с Ольгой обсуждать наши дела.

– Все равно, я хочу с ней увидеться...

* * *

Цыганкова я отпустил заниматься более важным, а к Ольге поехал на джипе охраны. Три «бодигарда» делали важные лица и вертели головами, как заведенные. Всем своим видом они старались продемонстрировать, что готовы меня защитить. Смотреть на это было противно, но я удержался от замечаний. Пусть работают.

Я знал, что лучше не пить. Что лучше дождаться вечера, решить все

вопросы и расслабиться в домашних стенах. Знал, но не сдержался. Достал фляжку с виски, приложился раз-другой-третий. На душе будто бы полегчало. Держа в одной руке фляжку, я вытащил сотовый телефон и стал названивать всем подряд:

– Мишку убили!

Я думал: вдруг кто-нибудь отреагирует *не так*, проколется, ляпнет лишнее – и я пойму, что он при делах. Но никто не прокололся, все реагировали адекватно известию. Ругались, задавали вопросы, которые я и сам бы на их месте постарался задать, предлагали помочь. Я отказался от всех предложений:

– Спасибо, сами разберемся.

Ольга жила в точечном доме на улице Матроса Железняка. Номера квартиры я не знал, но рассчитывал сориентироваться по окнам – как-то зимой подвозил Михаила, и он их мне показал. Шестой этаж, кажется. Или седьмой? Черт, в темноте, да еще когда вокруг лежал снег, все выглядело по-другому.

Я взял телефон, чтобы позвонить Цыганкову – он-то должен был знать точный адрес, как вдруг Ольга вышла из подъезда. Худенькая, черненькая, с короткой прической, в коротком черном пальто... Что Мишка в ней нашел? У меня она никогда не вызывала симпатии. На внешность, понятно, у всех вкусы разные, и мой собственный тоже не идеал. Но Ольга прочно ассоциировалась у меня со сжатой пружиной, готовой в любой момент распрямиться. Любую невинную шутку она принимала в штыки, в каждой фразе искала подтекст. Такие, как Ольга, захомотав мужика, добровольно его не отпустят. И при этом постоянно будут капать на мозги: коллеги его недооценивают, друзья используют, а ведь именно он самый умный и самый хороший, но только она это видит...

Мысль о том, что она может «накручивать» Кушнера против нас, никогда раньше не приходила мне в голову. А ведь его поведение в последнее время изменилось. Мы даже разругались по одному денежному вопросу, чего никогда прежде не происходило – Мишка считал, что его доля в прибылях маловата...

Пока я все это думал и вспоминал, Ольга вышла на проезжую часть и тормознула «волжанку», двигавшуюся в сторону Новой Деревни. Быстро договорилась с водилой и устроилась на заднем сиденье. Ее маленькая птичья головка чернела в оконном проеме.

Мы двинулись следом.

«Волжанка» добралась до переезда и ловко ввинтилась в поток, движущийся направо, к метро. У нас так легко это не получилась. Пока не

посигналили фарами и не погудели клаксоном, никто и не подумал уступить место грозному джипу. В результате между «Волгой» и нами набилось с десятков машин, в том числе один неторопливый грузовик, который так и норовил закрыть весь обзор.

– Не суетись, – сказал я водителю. – Главное – не засветиться. На Железняк и так им в затылок дышали...

Я вспомнил, как она оборачивалась, сидя в машине. Проверялась? Просто нервничала? Но ни я, ни Цыган о гибели Кушнера ей не сообщали, а больше никто из нашего круга не знал, как с ней связаться.

«Волга» проскочила на мигающий желтый, но грузовик остановился и тормознул за собой весь поток. Можно было бы попытаться проехать, но на перекрестке стоял милицейский УАЗ, возле которого прохаживались два автоматчика в касках и бронежилетах.

– Ловят кого-то, – вздохнул мой водила.

Напротив метро «Волга» остановилась, и Ольга выпорхнула из машины. Короткое пальтецо из ткани, похожей на каракуль, делало ее еще меньше. Оглядываясь, она перебежала дорогу и смешалась с толпой.

– Аллес! – водила бухнул кулаками по рулю.

– Заткнись! – осадил я. – Тормознешь в том же месте.

Как только он остановился, мы ломанулись через дорогу. На ходу я дал указания:

– Олег! Давай на ту сторону, к «Адаманту». А ты, Костя, прошвырнись вдоль ларьков...

Сам я ринулся к входу в метро, расталкивая прохожих. Подумал, что, кажется, перепутал имена своих «телков». Успел усмехнуться этому обстоятельству – и тут же заметил Ольгу.

Она была уже возле стеклянных дверей «Пионерской». Еще миг – и она исчезла внутри. Я энергичнее заработал локтями. Получил чувствительный тычок в спину, а какая-то женщина проехала по моей ноге колесом хозяйственной тележки. Все стремились в метро, на ступенях возникла настоящая давка. Я даже растерялся слегка – давненько не бывал в такой сутолоке. Там что, наливают бесплатно? Или Аня Курникова в неглиже выступает?

Причина мне стала понятна, когда начали закрывать двери. Толпа загудела и поднатужилась, еще несколько человек успели проскочить внутрь. Я обломился, стеклянная дверь захлопнулась перед носом. Мент, поправляя фуражку, ушел в вестибюль, где змеились очереди к кассам и турникетам.

– «Пионерскую» по рабочим дням закрывают на вход, – сказал мне

Олег (или Костя?).

– Зачем?

– Типа, много народу.

– А «Черную речку»?

– Не, та работает.

До метро «Черная речка» от дома Ольги было поближе, чем до «Пионерской». И никакого железнодорожного переезда, на котором можно застрять. Почему же она выбрала эту станцию? Успела просочиться в самый последний момент! Еще бы пару минут, и застряла бы, как я. Случайность? Или «рубка хвоста»? Но таким способом от слежки не избавляются. Впрочем, кто сказал, что не избавляются? У нее получилось!

– Ладно, куда она денется, – сказал я. – Пошли, у нас много дел...

...Поздно вечером позвонил Цыганков.

– В «Геобанке», на Петроградской, у Кушнера был абонирован сейф. Ольга успела перед самым закрытием. Выгребла все вчистую.

– Кто ей разрешил?

– Он оставлял в банке соответствующие распоряжения. Дома она до сих пор не объявилась. Мы аккуратно проверили хату.

– И что? Не тяни, блин, говори быстрее!

– Все очень странно. Ценные вещи и шмотки сложены в два чемодана, стоят посреди комнаты. Второстепенные документы собраны в одной папке. А главных нет...

– Без паспорта ее не пустили бы в банк! Она должна вернуться домой.

– Необязательно.

– Почему?

– Мы же не знаем, что Михаил держал в этом сейфе. Если там была нормальная сумма, то девчонка может плюнуть на свое барахло. Но я все равно оставил засаду. Будем ждать...

– Не только ждать!

– Искать тоже будем, Константин Андреевич. Задействуем все возможности. Только...

– Что – только?

– Нет, ничего...

Глава вторая

Измена!

Хоронили Мишку на Северном кладбище.

Его место оказалось в конце аллеи. С фотографий на дорогих памятниках на нас смотрели лица людей, застреленных или взорванных в первой половине девяностых. Я знал многих из них. Большинство не дожило до тридцати. Кушнер погиб в тридцать семь.

А я всегда был уверен, что он меня переживет...

Утро выдалось ветреным и холодным. На лакированной крышке дорогущего гроба дрожали капли дождя. Люди стояли под зонтиками, поднимали воротники. Собралось больше ста человек. Кое-кто мне был неизвестен совсем, а о многих я бы не вспомнил, не встретить их сейчас. Странно, но именно они говорили самые длинные, самые прочувствованные речи. А вот я сумел родить лишь несколько стандартных фраз.

Хотя должен был сказать больше других.

Я впервые увидел его, когда работал вышибалой в кабаке. Кушнер пришел вместе с приятелем и тремя девушками, среди которых была и моя будущая жена Инга. А потом он появился в моем спортзале, выряженный в дурацкое шелковое кимоно с иероглифами и драконами. Кушнер хотел научиться драться, но физический поединок не был его стихией. Зато у него отлично работала голова.

Я мог вспомнить, как Михаил вытащил меня из тюрьмы.

И как он вычислил, что на меня готовится покушение. Это было на заре становления нашего бизнеса. Мы успели принять кое-какие упреждающие меры и победили.

Именно он настоял на том, что пришло время легализовываться. Разработал концепцию нашего холдинга, завязал нужные связи, выстроил схемы. Он вполне мог справиться без меня. Нашел бы кого-то другого, чье имя служило бы гарантией безопасности предприятия.

Я же, если говорить честно, без его помощи так и остался бы спортсменом с невостребованным потенциалом и криминальным родом занятий.

Лишившись Кушнера, я лишился, по сути, своей головы...

Я вспомнил, как Михаил заставлял меня повышать уровень общей культуры.

Смешно звучит, правда? Он меня заставлял! Тем не менее они нашли с Ингой общий язык и насели вдвоем. Книжки, английский язык, дурацкие правила этикета.

– Ты пойми, – настаивал Кушнер. – Мы теперь бизнесмены, и ты – глава корпорации, а не бригадир. Скоро зарубежные партнеры появятся. По тому, как ты выглядишь и как говоришь, они станут судить, можно ли иметь с нами дело.

– Они будут судить по финансовым документам.

– Финансовые документы я подготовлю. А ты над собой поработай. Забудь весь этот «стрелочный» жаргон, и поменьше матом ругайся.

– Ты еще в университет меня запиши!

– Кстати, а это идея! Надо будет подумать о твоём высшем образовании...

Я мог обо всем этом рассказать. Благодаря стараниям Кушнера я научился грамотно излагать свои мысли. Но я не рассказал. Постоял, глядя в землю, и отошел к Инге. Она взяла меня под руку:

– Кто это?

– Где?

– Рядом с матерью.

Высокого пожилого мужчину, седовласого, в расстегнутом черном пальто, я прежде не видел. Но слишком велико было его сходство с покойным, и я ответил уверенно:

– Мишкин отец. Прилетел из Израиля.

– Я думала, они не общаются.

– Теперь уже точно не смогут...

Инга пихнула меня локтем в бок: нельзя так шутить. Нельзя так нельзя – помолчу. Но ведь дело не в шутках, а в том, что внутри...

...Внутри у меня было прескверно. За три прошедших дня никакой ясности не прибавилось. Терять друзей мне приходилось и раньше, но при других обстоятельствах. Всегда была какая-то определенность. Пусть убийца уходил от ответа, но хоть было ясно, за что человека угробили. С Кушнером же получался полный туман. И как ни старался я гнать от себя эту мысль, периодически она возникала: втайне от нас он крутил какие-то свои махинации.

Появление Кушнера-старшего было для меня неожиданностью. Причем появился он только на кладбище, его не было в церкви. Кто ему сообщил о случившемся? Мать? Очень вряд ли. А из наших точно никто не звонил.

И еще один человек удивил меня своим появлением: Мастер. Я не

видел его десять лет. Чем он сейчас занимается? В деловых кругах города он не был известен. А как-то раз я проезжал мимо здания, в котором некогда размещался наш спортивный зал, и увидел, что теперь там располагается сауна.

Расставили дюжину столиков с водкой и бутербродами. Когда налили по третьему разу, Мастер неожиданно оказался возле меня. Как из-под земли вынырнул. Только что был в стороне, а тут нарисовался бок о бок. Мы выпили, и он тихо сказал:

– Мои соболезнования, Константин Андреевич... И – можно вас на пару слов?

Мы отошли, я закурил. Он помог мне закрыть зажигалку от ветра. Его руки, в отличие от моих, не дрожали.

– Если человек умер, значит, он сделал все, что должен был сделать в этой жизни.

– Он не умер, его застрелили... Ты хотел мне сказать только это?

За прошедшие десять лет Мастер не изменился. То же угловатое, изрезанное морщинами лицо, те же глубоко посаженные голубые глаза.

– ...только это хотел мне сказать?

– Нет. Ты же будешь искать, кто это сделал?

– Буду! Не только буду, но и найду. Никуда он не денется.

– Это был кто-то свой.

– Ну-ну, поясни!

– Не надо смотреть далеко. Враг рядом. – Мастер недвусмысленно кивнул на толпу, собравшуюся вокруг столиков. На ту часть толпы, где не было родственников и школьных друзей, а присутствовали только наши, из деловых. – И еще: как бы не получилось, что эта смерть – не конец, а начало...

– Не получится! – уверенно рубанул я.

Этим разговор и закончился. Некоторые уже двинулись к выходу, и Мастер к ним присоединился. Я долго смотрел ему в спину. Он шел, выделяясь из массы. Такой прямой, такой мудрый, что я ощутил раздражение.

...Для поминок сняли кабак. Людей собралось даже больше, чем было на кладбище. И некоторые пришли изрядно поддатые. Перепутали, видать, поминки с гулянкой. Атмосфера была напряженной.

– Такое ощущение, что все сейчас переделается, – шепнула мне Инга.

– Не болтай глупостей! – осадил я ее, хотя в душе готов был согласиться. Что-то в воздухе такое витало.

Впрочем, не передрались, хотя поводы к тому были. И поводы эти

давали в основном люди из числа родственников Михаила. Среди них оказалось неожиданно много ребят, молодых и базар не фильтрующих. В другой ситуации за некоторые высказывания им пришлось бы серьезно ответить. Всякое прозвучало. От довольно конкретного: вы сами его застрелили, чтобы заграбастать деньжищи, до размытого: не фиг ему было с вами якшаться. В лицо, правда, такие обвинения не высказывались. Просто мой напряженный слух выхватывал куски фраз из общего диалога. Фрагменты, которые не удавалось расслышать, я просто домысливал. Но думаю, что достаточно точно.

Я вливал в себя рюмку за рюмкой, не чувствуя опьянения.

– Закусывай, – сказала жена.

Я отмахнулся.

Мишкин отец сидел рядом с матерью. Если они и общались между собой, то я этого не заметил. А вот на меня он поглядывал часто. Часто и пристально. В конце концов он подошел ко мне и сказал почти то же самое, что и Мастер:

– Константин Андреевич? Можно вас на несколько слов?..

Мы вышли из зала. В вестибюле сидели охранники, мимо них вышагивал, заложив руки за спину, мрачный Лев Валентинович. Выправка, что говорить, у него была офицерская. Настоящий, бляха-муха, полковник! Увидев меня, встрепенулся, хотел подойти. Я дал понять жестом: не надо.

– Может, на улицу? – предложил Мишкин отец.

Я кивнул.

Вышли, пошли вдоль ряда сверкающих тачек, на которых прибыли гости. Кушнер-старший был выше меня почти на голову. Его седые длинные волосы были всклокочены, на лице проступала щетина. Я молчал. Он представился:

– Меня зовут Моисей Соломонович.

Я кивнул:

– Как зовут меня, вы уже знаете.

– Да, я давно заочно с вами знаком. – Кушнер говорил с акцентом, который со временем приобретают все эмигранты. – И отдал бы все ради того, чтобы наше очное знакомство состоялось при других обстоятельствах. Константин Андреевич, вам не представить, как тяжело отцу хоронить сына!

– У вас больше нет детей?

– Три дочери. Они родились уже там, в Тель-Авиве. А у вас?

– У меня сын.

– Наверное, совсем маленький?

– Взрослый. Семнадцатый год пацану.

– Тогда вы меня в какой-то степени понимаете. И дай Бог, чтобы вам не пришлось понять меня полностью!

Пройдя сотню метров, мы остановились на перекрестке. Прохожие обтекали нас с двух сторон. Мы им явно мешали, но ни одного ругательства не прозвучало. Никто даже не оглянулся. Чувствовали, наверное, что повод для разговора у нас не обыденный.

– О своем отцовстве вы, Моисей Соломонович, не вспоминали лет двадцать пять.

Он ответил не сразу. Я подумал, что он либо не услышал меня, погруженный в тягостные раздумья, либо упрек проглотил и оправдываться не собирается.

Но затем его слова меня удивили:

– Мы общались все эти годы. Не знали? Никто об этом не знал. Хотя некоторые догадывались. Михаил значил для меня очень многое. Я возлагал на него большие надежды. Мы скрывали наши отношения, потому что так было удобнее. Для нас обоих удобнее. Я уехал в семьдесят восьмом. Вы же помните те времена: КГБ, «холодная война», диссидентство... Если бы мог, я бы взял Мишку с собой еще тогда. Но не сложилось... Потом эпоха сменилась, но мы решили, что еще не пришло время афишировать наши связи. У меня тут остались не только друзья. Некоторые враги добились высоких чинов. И не все забыли обиды. Так что сюда я не приезжал. Но в Прибалтике, в Калининградской области, в Белоруссии, по делам бывал достаточно часто. Там в основном мы и виделись...

– Что и говорить, конспирация глубочайшая! Если даже я ни о чем не догадывался...

– У нашего народа это в крови, Константин Андреич. И не обижайтесь на нас. Михаил считал вас лучшим другом. Ему было тяжело от вас что-то скрывать.

– Я этого не заметил.

– Поверьте мне, тяжело... Как я понимаю, вы не оставите этого дела?

– В каком смысле?

– В смысле возмездия.

– Не оставлю. А что? Вам это чем-то не нравится?

– Ну, почему? Святое дело не может не нравиться. Просто... Просто я не вижу в этом особого смысла. Какая разница, кто жал курок? Фамилия ничего не изменит. И какая бы участь ни была уготована киллеру, Михаила это не воскресит. Кроме того, для меня вопрос в достаточной мере

исчерпан.

– Поясните, пожалуйста.

– Поясню! Мы сами все – кузнецы своей смерти. Каждый умирает, как живет. У Мишки была теория... Достаточно вредная, на мой взгляд, теория. Вы должны быть с ней знакомы. В двух словах: хватай, пока молодой. Пока есть силы и зубы. Потому что пока ты будешь церемониться со стариками, ждать и оказывать почести, подрастет и окрепнет следующее поколение. А уж оно с тобой цацкаться точно не будет! Я много беседовал с ним по этому поводу, объяснял, что все не так просто. Кажется, это подействовало. Но слишком поздно. Поэтому вопрос об убийце для меня не стоит так остро, как для вас. Иванов, Петров, Сидоров, Финкельштейн – да какая в конце концов разница?! Мишку убила не пуля, его убила вся его жизнь.

– У меня другой взгляд на проблему.

– Поэтому вы с ним и были друзьями. Я помню, как он мне рассказывал о вашем знакомстве. Кажется, только вчера это было. А прошла целая жизнь! Его жизнь...

Он опять замолчал. Мимо нас проносились машины. Когда мне надоело их разглядывать, я сказал:

– Уверен, Моисей Соломонович, что вы хотели со мной побеседовать не только об этом. Времени у нас, конечно, достаточно. Но обидно терять его попусту. Я найду убийц друга, чего бы мне это ни стоило. Обещаю, найду! И буду очень признателен, если вы мне поможете. У вас ведь имеются какие-то соображения...

– Не больше, чем у вас, Константин Андреевич. Хотя в дела сына я был посвящен хорошо. Не удивляйтесь, он со мной постоянно советовался. В последние годы мы созванивались почти ежедневно, не говоря уже о регулярных встречах в Прибалтике. И часть проектов, которые вы реализовывали, были придуманы мной. Я проанализировал все, что мне известно по этим вопросам, и не нашел причин для убийства. То есть не смог выделить кого-то конкретного, кто был бы в смерти Миши кровно заинтересован, кто мог бы получить от его смерти реальные дивиденды. Подозревать можно всех, но ровно в той степени, в какой можно и не подозревать никого. Вы меня понимаете?

Я кивнул, хотя услышанное показалось мне слишком заумным. Философия всегда вредит практике. Для меня вопрос стоял предельно конкретно: «Кто и почему?» Даже без «Почему?», просто «Кто?». Соломоныч же мне втирал, что Михаил жил неправильно, и в этом, дескать, все дело.

Я кивнул:

– Понимаю.

– Поэтому единственное, чем я могу вам помочь, заключается в следующем... – Моисей Соломонович опустил седовласую голову, и я почувствовал, что ему очень не хочется говорить то, что он собрался сказать. – Михаил хотел отойти от дел. Он собирался приехать ко мне... Переехать на ПМЖ. Почти все бумаги были оформлены, и мы планировали, что уже в мае он переберется.

– Он мне ничего не говорил... – Еще неделю назад я бы голову отдал на отсечение, что Мишка будет со мной до конца. А он, оказывается, собрался линять. И думал сделать это втихаря.

– Знаю. Поверьте, молчание давалось ему тяжело. Он понимал, что поступает не очень порядочно. Но сделанного не вернешь...

– Какие еще сюрпризы у вас припасены?

– Никаких. Кроме одного. У него ведь пропал портфель с документами. Не знаю, какие бумаги там были еще, но могу сказать точно: там было все для выезда в Тель-Авив.

Я вспомнил, как мне докладывал Цыганков: ничего ценного не похищено. Ничего такого, что могло бы затруднить нашу работу своим исчезновением, или принести неприятности, попади оно в посторонние руки. Похищать портфель смысла не было. Но про израильские документы Лев Валентинович осведомлен не был. А они, значит, пропали... Что это меняет? На первый взгляд ничего. Для кого-то могло иметь смысл украсть бумаги, чтобы затруднить процедуру отъезда. Но если Кушнер мертв – какой смысл в его анкетах и загранпаспорте?

– Он мне ничего не говорил, – повторил я. – Его отъезд стал бы для меня серьезным ударом. В нашем кругу так не делается.

– Знаю, – кивнул Мишкин отец. – Но он был не совсем из вашего круга...

Я внимательно посмотрел на собеседника:

– Если бы мне стало известно об отъезде, я бы с Мишкой поговорил, очень серьезно поговорил! Может, мы бы поссорились до конца жизни. Но убивать его я бы не стал. Тем более, подсылать киллера.

– Я пришел к такому же выводу...

Медленно, вдоль ряда машин, на которых приехали гости, мы двинулись к кабаку, на крыльце которого стоял Цыганков, обеспокоенный моим долгим отсутствием.

– Кто вам сообщил об убийстве?

– У меня тут остались друзья.

– Они же и про портфель рассказали?

– Конечно. Я знаком со всеми материалами следствия. С некоторых документов мне даже ксерокопии сняли.

– Понятно... Где сейчас Ольга?

– Ольга? Не имею понятия!

– Да?

– Я удивился, что ее нет на похоронах.

– Стало быть, вы с ней знакомы. Она исчезла, – сказал я, внимательно наблюдая за лицом старого Кушнера. – Ушла из дому – и с концами. Более того, прихватила Мишкины деньги.

Кушнер кивнул:

– Да, он сделал так, чтобы она могла распоряжаться какой-то частью его средств. О размере суммы я имею только общее представление. Думаю, не больше пятидесяти тысяч долларов. А основные деньги он давно перевел за границу. Как и вы, Константин Андреевич... Честно сказать, мне эта Оля не нравилась. Я бы предпочел, чтобы он женился на еврейской девушке. И женился там, в Израиле. Но повлиять на его выбор я не смог. В этом вопросе он был непреклонен.

– Вы виделись с ней?

– В феврале он приезжал с ней в Австрию, на горнолыжный курорт. Я прожил с ними три дня. Она мне не понравилась. Я честно ему об этом сказал, но Михаил остался при своем мнении. Он был уверен, что лучшей ему не найти.

– Чем же она вам не понравилась?

– Сложно сказать. Во-первых, я был сильно удивлен. Для вас, наверное, не секрет, что в юности он был влюблен в Ингу... Простите, забыл ее отчество. Когда она стала вашей женой, для него это было сильным ударом.

– Вот как?

– Он старался не показывать вида, и уж тем более, не имел к вам претензий. Он объяснил себе, что его любимая девушка выбрала из вас двоих лучшего и что это было ее полным правом. Я был уверен, что все эти годы он ищет кого-то, похожего на вашу жену. И тут Ольга! Это во-первых. А во-вторых, мне кажется, она на него плохо влияла. Понимаете, при всей своей прагматичности, Миша в душе был романтик. Дела, с которых вы начинали, были для него своего рода игрой, такой вольной интерпретацией баллады о Робин Гуде. Защитить девушку, отобрать у богатых, бросить вызов соперникам... А Ольга – сплошной прагматизм. Как мне представляется, она просто увидела тугой кошелек и вцепилась в него всеми руками. А вся эта болтовня о любви – просто антураж для изымания

денег. Хотя, надо признать, получалось у нее убедительно! Значит, вам неизвестно, где она сейчас? Что ж, не вижу ничего удивительного. Прикарманила то, до чего могла дотянуться, и смылась. Теперь ищет, к кому упасть в объятия...

– За пятьдесят тысяч можно нанять толкового киллера, – сказал я. – И кое-что даже останется. Хватит на первое время, чтобы есть булку с маслом.

– Она потеряла значительно больше, чем эти гипотетические пятьдесят тысяч.

– Как раз потеряла она – гипотетические, а вот сперла вполне реальные деньги. Может, они собирались расстаться!

– Последний раз я созванивался с Михаилом за два дня до его смерти. Расставаться они не собирались. Можно предположить, что после моего звонка они разругались, и он указал ей на дверь. Но я отказываюсь поверить, что ей хватило двух дней, чтобы составить план и подыскать исполнителя. Не знаю, как у вас в России, но у нас такие люди в газетах объявления не печатают и визитные карточки первым встречным не раздают.

– Исполнителем мог быть ее прежний любовник.

– Вам карты в руки, проверяйте.

Мы дошли до крыльца, и Моисей Соломонович остановился:

– Мне нет смысла туда возвращаться.

Рукопожатие у него было неожиданно крепким. Очень крепким для пожилого и внешне не слишком здорового человека, к тому же, потерявшего сына.

– Если узнаете что-нибудь новое, – сказал я, – звоните мне в любое время.

Он кивнул. Я расценил это так: если у него появится информация, он десять раз подумает, прежде чем позвонить, тем более «в любое время».

– Моисей Соломоныч! Забыл спросить одну вещь: завязать с делами Михаил решил под вашим давлением?

– При всем желании я не мог оказать на сына давления такой силы. Решение он принял самостоятельно. Я не хотел этого говорить, но вы все равно догадаетесь, или узнаете от кого-то другого... Дело в том, что за последнее время он многое переосмыслил и пришел к выводу, что сделал ряд серьезных ошибок... – Мишкин отец замолчал, и я закончил фразу за него:

– ...Самая большая из которых – это я?

– Он очень высоко ценил вашу дружбу, – сказал Моисей Соломонович

с таким видом, будто не слышал моих слов.

Его ожидала машина. Пыльный «мерс» стоял недалеко от крыльца, в кабине скучали двое парней в кожаных куртках. Когда Моисей Соломонович подошел, тот, что не был водителем, вылез и распахнул заднюю дверь. Придерживая ее, пока Кушнер садился, парень смотрел на меня, перекатывая во рту жвачку. Его лунообразное лицо, лишенное всякого выражения, показалось мне смутно знакомым. Но вспомнить, встречались ли мы, я не смог.

«Мерседес» резко выкатил на середину дороги и умчался, взвизгнув покрышками. Я обратил внимание, что на машине были московские номера.

Мой начальник службы безопасности стоял у двери кабака. Я спросил у него, стараясь, чтобы голос звучал безразлично:

– Ты в курсе, что Михаил собирался нас здорово кинуть?

Глава третья

Человек с портфелем

Я проснулся с больной головой. Инга хлопотала на кухне. Гремела посуда, работал маленький телевизор, пахло яичницей. Я отправился в душ и четверть часа стоял, чередуя горячую воду с очень холодной. Когда закрыл кран, услышал звонок телефона. Инга ответила:

– Он сейчас занят, вы не могли бы перезвонить? Хорошо, я позову...

Она постучала в дверь, открыла ее и молча протянула мне трубку.

Звонил Цыганков:

– У нас новости.

– Нашлась Ольга?

– Нет, пока не нашлась. Нам предложили выкупить бумаги Кушнера.

– Отправь машину за мной.

– Уже едет...

Мы собрались в кабинете Цыгана. Он, я, Рамис. По их виду было заметно, что до моего приезда они успели повздорить.

– Ну, выкладывайте! – поторопил я.

Вскоре после начала рабочего дня в офис позвонил неизвестный. Он сказал, что нашел портфель с важными документами, касающимися деятельности нашей фирмы, и предложил его выкупить за три тысячи долларов. В противном случае бумаги будут проданы конкурентам. Встреча должна состояться в двенадцать часов у «Василеостровской». Наш человек должен стоять на выходе из метро и держать прошлогодний «Плэйбой» с портретом Тиа Карреры. Деньги должны быть в журнале.

– Почему прошлогодний? Где мы его сейчас найдем?

– Уже приготовили, – ответил мне Цыганков. – Наверное, он боится спутать нашего гонца с обычным прохожим, который купил свежий номер в киоске.

– Или эта Карьера ему очень нравится, – ухмыльнулся Рамис. – Что плохо – на «Василеостровской» всегда тесно и полно народу. Тяжело будет его там крутить.

– Его нельзя трогать! – возразил Цыганков.

– Не трогать? А что ты предлагаешь? Расцеловать в задницу?

– Проследить, установить личность, навести справки...

– Да пошел ты со своими ментовскими штучками! Вот делать-то нам больше нечего, как таскаться за ним! Возьмем и спросим. Как спросим, так

и ответит. И нечего разводить церемонии.

– Да что ты понимаешь?! «Спросим»! Спрашивать с умом надо, а ты всего наскоком хочешь добиться...

Я следил за их перепалкой, не вмешиваясь. Следил и думал: могу ли я им доверять? Прежде я был уверен, что они никогда не сговорятся за моей спиной, а если кто-то один замыслит недоброе, то второй его быстро разоблачит. Я отдавал должное профессионализму Льва Валентиновича, но всегда помнил старую истину: предавший однажды предаст и вторично. А его работу на нас иначе, как предательством по отношению к бывшим коллегам, назвать было нельзя. И сколь бы много мы от такого предательства ни поимели, сути поступка это не меняло. Рамис же имел безупречную репутацию. Бывший спортсмен, начинал, как и все, с малого рэкета. Трижды его пытались судить, брались серьезно, но он не поддался. И товарищей уберег, и сам от камеры отвертелся. Что плохо – амбиции. И амбиции неутоленные. Кажется ему, что его «задвигают», что заслуживает он большего, чем имеет. Если будет возможность, он Цыгана сожрет с потрохами. Но тот пока возможности не представляет и, в свою очередь, тихонько под Рамиса копает. Не так давно, например, доложил мне, что расходы Татарина не соответствуют его «официальным» доходам. Самую малость, но не совпадают. Машину после Нового года сменил, купил квартиру подруге. За одну ночь в казино просадил почти десять тысяч зеленых. И все это – втихаря. Я бы и не узнал ничего, если бы Лев Валентинович не подсуетился.

...Я наблюдал за их перепалкой и вспоминал слова Мастера: «Враг где-то рядом».

Когда это мне надоело, я приказал:

– Короче, будем решать по ситуации. Может, вообще никто не придет. Сколько времени? Ого! Как раз до «Василеостровской» доехать.

– Я уже отправил двоих на метро, – поспешил сказать Лев Валентинович. – С минуты на минуту будут на месте. Осмотрятся и сразу нам сообщат.

– Отлично. Нам тоже пора выдвигаться. Большую толпу брать не надо, справимся малыми силами.

– Я возьму двоих, – сказал Рамис.

– И я одного.

– Три, пять, шесть, – подсчитал я. – И двое твоих разведчиков. Получается даже с избытком. Ну, по коням!

Выехали на трех машинах. Я сел к Цыганкову, в неприметную «дэу-нексия» белого цвета. Бригада Рамиса, во главе с ним самим, разместилась

в джипе и потрепанном таксомоторе, который был хорош тем, что мог стоять где угодно и сколько угодно, не привлекая внимания. Вот только водилу бы еще заменить, а то Рамис посадил за баранку амбала с таким свирепым лицом, что ни один пассажир не рискнул бы воспользоваться его услугами.

А вот наш водитель был сама незаметность. Худенький, невысокий, с аккуратной прической. В очках, в костюме, при галстuke. Типичный менеджер из конторы средней руки. Его звали Глеб, и он считался одним из лучших сотрудников Цыганкова. Как мне помнилось, Лев Валентиныч переманил его из милиции. Ему и предстояло встретиться с шантажистом.

До места мы добрались в срок. Я прихлебывал купленный по дороге «джин-тоник» и смотрел, как Глеб встал у таксофонов, висевших на стенке справа от выхода из метро. В очередной раз на связь вышли наши разведчики: вокруг все спокойно, нет ни малейших признаков засады.

– Да какая, на фиг, засада! – поморщился я.

– Надо учитывать все варианты, – поджал губы Лев Валентиныч.

– Ну-ну... – Я всматривался в толпу, бурлящую вокруг «Василеостровской»: студенты, бомжи, торгаша, спешащие по делам люди неопределенного рода занятий, менты... Ментов было много. Молодые, в плохо подогнанной серой форме, они стояли и ходили по двое, периодически останавливая кого-нибудь для проверки документов.

– «Голубая дивизия»^[1], – пояснил Цыганков.

– Только их не хватало. Сколько времени?

– Пять минут первого.

– Ждем...

В засадах я принимал участие часто. И ситуаций, когда я выступал в роли охотника, было примерно столько же, сколько моих выступлений в качестве жертвы. Сколько раз менты в разных районах города ждали случая, чтобы меня подловить? Сколько раз я обламывал их ожидания? И сколько раз попадался...

– Есть контакт! – Цыганков оборвал мои воспоминания.

Я присмотрелся. К Глебу подошел парень. Высокий, тощий, нечесаный. В короткой куртке и с шарфом, трижды обернутым вокруг длинной шеи. В руке парень держал пакет, в котором мог уместиться портфель.

– Откуда он появился? – спросил я Цыганкова.

– Из метро вышел.

– Не похож на крутого.

– Наркот он, сразу заметно!

- Ваше мнение, Лев Валентинович?
- Нельзя его здесь хватать. Проводим до дома, там видно будет.
- Упустить не боитесь?

Сжав зубы, он промолчал.

Состоялся обмен. Глеб отдал журнал, в который были вложены деньги, парень достал из пакета портфель, в котором я сразу признал вещь, принадлежавшую Кушнеру. Отдавать пакет парень пожадился. Сложил его несколько раз, убрал в карман куртки. На прощание протянул Глебу руку. Я представил, каких усилий тому стоило наступить на горло брезгливости и не заехать наглецу в рожу. Ничего, еще будет возможность!

Расстались. Парень нырнул в метро, Глеб не спеша закурил, начал спускаться по ступеням. В кармане Цыгана пискнула рация: разведчики доложили, что приняли парня под наблюдение.

- Они не упустят, – заверил меня Лев Валентинович.

Неожиданно возле машины появился Рамис. Распахнув дверь, плюхнулся на сиденье рядом со мной. Я видел, что он с трудом сдерживает раздражение:

– Ну что, решили с мальчиком поиграться? Давайте неделю за этим обсосом ходить! Узнаем много полезного. Например, у кого он «герыч» берет. Вы видели его харю? А я близко подходил, видел! Там «двести двадцать восьмая» поперек лба написана!^[2] Готов спорить, что к Мишкиному убийству он никаким боком...

Разведчики доложили, что находятся на станции «Гостиный Двор», переходят на Московско-Петроградскую линию. После этого связь прервалась.

– Поехали потихоньку, – приказал я. – Вот будет приколы, если он выйдет на «Пионерской».

Он вышел станцией раньше, на «Черной речке». Мы с Цыганковым обменялись взглядами: «Неужели он как-то связан с Ольгой?»

– Ленинград – город маленький, – вздохнул Цыганков. – Давай, Глеб, рули на Торжковскую.

По дороге я тщательно осмотрел Мишкин портфель. Он был полон бумаг. Часть их действительно касалась отъезда в Израиль. Другие относились к деятельности нашего холдинга, но никакого интереса для конкурентов не имели. Определить, все ли на месте, не представлялось возможным. Замки были вскрыты самым варварским способом – их просто вырвали с мясом из крышки, и они болтались теперь на тонких лоскутах кожи.

Разведка снова вышла на связь. Парень вошел в высотный дом

недалеко от метро. Они проследили его до квартиры и теперь спрашивали, что делать дальше.

– Ждите, – приказал Цыганков, пряча рацию.

Мы заехали во двор дома и остановились. Чуть позже рядом с «нексией» затормозил джип. Такси осталось на улице. Рамис сел в нашу машину, рядом со мной, и велел Глебу:

– Иди покури.

Глеб вылез. Цыганков, лихорадочно что-то обдумав, выскочил следом за ним. Рамис, глядя на это, язвительно усмехнулся, но промолчал. Сквозь тонированное стекло мы наблюдали, как Цыганков инструктирует помощника. Кое-что я расслышал: Лев Валентинович приказал поговорить с соседями парня, осторожненько выяснить, что он собой представляет. Глеб кивнул, проверил что-то во внутреннем кармане пиджака и вошел в дом. Цыганков вернулся к нам.

– Ну, господин генерал, что будем делать? – спросил его Рамис. – Предлагаю брать прямо сейчас. А то он на радостях так наширится, что мы и денег своих не вернем, и информацию не получим. У меня есть один парень, он любую дверь вполтычка вскроет.

– Не гоношись, – я бросил окуроч в пустую банку из-под «джин-тоника», – пять минут ничего не решают.

Ждать пришлось не пять минут, а значительно больше. Наконец Глеб вернулся. Устроившись за рулем, он толково и кратко изложил добытые сведения.

Их было немного. Интересующего человека звали Артемом, как и моего сына. Два года назад он вернулся из армии. Жил один – квартира досталась по наследству от умершей бабки. Раньше где-то работал и получал приличные деньги, даже машину купил. Но уже довольно давно остался без постоянных средств к существованию, перебивался случайными заработками. Продал машину, распродал все ценное, что имелось в квартире. Некогда хорошо одевался, следил за собой. Теперь донашивал обноски и месяцами не стригся. В лучшие времена у него регулярно собирались компании, но вот уже несколько месяцев, как гости появляются крайне редко.

– Все ясно! – Рамис хлопнул кулаком в свою раскрытую ладонь. – Надо брать!

Цыганков, подумав, кивнул. Я видел, как ему не хочется участвовать в остром мероприятии. Остатки милицейской морали? Скорее обычная трусость. Если я прикажу, то он, конечно, пойдет и выполнит все, что потребуется.

– Оставайся в машине, – сказал я. – Будешь со своими бойцами нас прикрывать.

– Подальше от передовой, поближе к кухне, – глядя в пространство, заметил Рамис.

– Пошли. – Я хлопнул его по плечу и первым покинул тесную «нексию».

Пока поднимались в лифте, я думал, что во всей этой истории мне не нравится совпадение адресов. Между домами Артема и Ольги от силы полтора километра. Она исчезла, а он, наоборот, объявился с пропавшими документами...

Разведчиков, которые за Артемом следили, я отправил во двор, помогать Цыганкову. Когда они уехали, нас осталось четверо: я, Рамис и двое бойцов, одинаковых, как борцовские манекены. Трудно было представить, что кто-то из них владеет отмычками или иным деликатным способом может вскрыть дверь. Разве что вынести ее вместе со стенкой – на это бы у них сноровки хватило.

– Ну, кто тут специалист? – спросил я.

Один из двоих с серьезным видом кивнул и надавил кнопку звонка. Из-за железной двери донеслась звонкая трель. Еще и еще. Наконец мы услышали голос:

– Кто?

– Телеграмма!

Я бы ни за что не открыл. И ни один нормальный человек, по-моему, не открыл бы.

Но Артем крикнул: «Счас!» – и скрежетнул ригель замка.

Я ощутил знакомый мандраж, который охватывает перед боем.

Что-то должно было случиться...

Глава четвёртая

Ценный свидетель

Вблизи Артем выглядел не таким дохлым, каким показался мне возле метро. Рост больше ста восьмидесяти, вес килограммов семьдесят пять. Наверняка когда-то он был еще массивнее, но наркотики сделали свое дело.

– Поговорить надо! – Мы ввалились в квартиру.

И началось...

Первый, который был спецом по открыванию дверей, получил ногой в поддыхало, хрюкнул и сполз по стенке. В ближайшее время можно было не рассчитывать на его помощь. Второго гоблина Артем уложил выпадом в шею. Удар был хороший, внезапный и точный, как укол шпагой. Бычок и понять не успел, отчего вдруг стало темно, а пол встал на дыбы и шмякнул по темечку.

Рамис успел среагировать, но был недостаточно проворным. Нырнул под летящий кулак, но тут же пропустил пинок в нижнюю часть живота. Выпучив глаза, попытался уйти в глухую защиту. Ему бы хватило минуты, чтоб отдышаться, но Артем врезал Татарину по бедру, схватил за воротник и швырнул на пол.

В течение двадцати секунд мое войско было разгромлено.

Я отбил прямой в голову, сделал финт и, прорвавшись мимо Артема, занял позицию на входе в комнату. Мельком глянул через плечо: за спиной никого не было. Никого и практически ничего, только драный ковер на полу, развалюха-диван и прикроватная тумбочка, на которой громоздились две стопки книг и пылился голубой десантный берет.

Вот, значит, где он так научился махать!

Артем стал наступать. Я пятился, выбирая момент для нанесения удара. Ввязываться в мясорубку мне не хотелось. Я намеревался покончить дело одним разом и теперь присматривался к противнику, выявляя его слабые точки.

Их оказалось много. Техника его не блистала разнообразием, хотя и отличалась от той, которую, по моим представлениям, должны были преподавать в десантных войсках. Сильные прямолинейные выпады он неожиданно чередовал с волнообразными перемещениями, низкими стойками и круговыми ударами в стиле у-шу. Одним из подобных ударов он чуть не расквасил мне нос. Я разозлился и провел контратаку, несколько раз хорошо достав его в корпус. Подействовало! Артем сбавил темп, удары

стали размазанными. Еще пара минут – и он сдох бы сам, без моей помощи. Но тут вмешался Рамис.

Он достал пистолет, щелкнул курком, поднялся с пола и тихо, но очень внятно сказал:

– А ну-ка стоять! Ты, ублюдок! Дернешься – я прострелю тебе задницу, понял?!

Мне показалось, что механический звук приведенного в действие механизма подействовал на Артема больше, чем сказанные Рамисом слова. Тот еще продолжал говорить, когда Артем замер на месте, сначала – в боевой стойке, напоминающей «позу кошки» из китайских единоборств, а потом опустив руки и распрямив ноги.

– Вот и славненько. – Я смахнул со лба пот.

Зашевелились и наши сподвижники. Первый гоблин принял вертикальное положение и с ненавистью смотрел на Артема. Второй тоже поднялся, но пока что глядел на окружающих с видом: «Где я? И что со мной было?»

– Повернись спиной, руки за голову, – командовал Рамис, и Артем с промедлением, но беспрекословно подчинился. – На колени!

Когда Артем выполнил последнее приказание, Рамис долбанул его рукояткой пистолета по затылку. Артем рухнул на пол, Рамис бухнулся сверху, заломил руки и ловко стянул запястья одноразовыми наручниками. После этого убрал пистолет, встал и заметил:

– Чуть не облажались.

Я усмехнулся:

– А по-моему, лажанулись по полной программе. Как ты его называл? Обсосом? Так этот обсос вас троих положил! Кто-то, мне помнится, возле метро его брать собирался. У «Василеостровской», где ментов больше, чем грязи. Представляю, какая бы получилась картинка!

– Шеф! – соискатель на звание евнуха приложил руку к сердцу и кивнул на берет с десантной кокардой. – Мы же не знали, что он из спецназа!

– А-а-а, тогда ладно! Тогда все нормально! А если б он был из стройбата, то что? Нас бы всех здесь закопали? Короче, топайте на кухню и сидите там, не отвесчивайте. Да, входную дверь запереть не забудьте!

Когда они вышли, я посмотрел на Рамиса:

– Мне это все очень не нравится.

– Я понимаю...

– Если бы ты понимал, мне бы не пришлось этого говорить. Что за херня?! Я за что вам, придуркам, деньги плачу? Твои уроды имеют в месяц

по штукарю баксов, а падают от первого же удара! И они – лучшее, что у нас есть?

Опустив голову, Рамис молча слушал разнос. Я кипятился несколько минут, а остыл так же резко, как и завелся:

– Ладно, всем все понятно. Давай делом займемся.

Мы подвергли комнату тщательному осмотру. Это было несложно, поскольку осматривать было практически нечего. Но в диване нас ждал сюрприз. Среди всякого тряпья и разного хлама отыскался, завернутый в простыню, обрез помпового ружья 12-го калибра.

– Ого! – Рамис схватил его в руки.

Ружье было заряжено одним патроном. Мы понюхали ствол. Я ничего не почувствовал, а Рамис, которому в молодости меньше доставалось по носу, заметил:

– Стреляли, однако. Но давно.

– Как давно?

– Откуда я знаю? Я не эксперт. Может, месяц назад. Может, поменьше.

– А штучка-то дорогая...

– Не из самых. Но ему явно не по карману. Что новая, что обпиленная... Интересно, где он ее взял?

«Плэйбой» валялся под диваном. Денег в журнале не было. Мы с Рамисом дважды его тщательно пролистали прежде, чем сообразили, в чем дело. Естественно, Артем убрал деньги в карман, а не тащил между страниц через полгорода. Там, в кармане, они и нашлись. Все тридцать купюр. Пересчитав, Рамис убрал их к себе.

– Теперь можно и поговорить, – он вопросительно посмотрел на меня, я кивнул, и он крикнул одному из своих гоблинов: – Принеси из джипа аптечку! И порезвее! Шевели поршнями, а то тащишься, как беременный таракан!

Хлопнула дверь. Рамис, опустившись на корточки, растолкал парня. Хотя у того и были скованы руки, Рамис действовал осторожно. Я сел на диван и закурил. После третьей затяжки раскашлялся. Вытирая слезы, подумал: а когда я последний раз тренировался по-настоящему? Даже не вспомнить! По вторникам и пятницам я заглядывал в зал, работал на тренажерах. Но это была только видимость тренировки. Пик моей спортивной формы остался далеко в прошлом. В те времена я бы разделал четверых таких, как Артем, и не сильно бы запыхался. Сейчас же, стыдно сказать, этот «обсос» заставил меня поволноваться. Конечно, я бы его уронил. Но сколько бы времени длился наш бой? Вот они, последствия сытой жизни. Обленился, расслабился. Еще чуть – и дворовая шантрапа

станет выворачивать мне карманы.

Я усмехнулся, потирая скулу, по которой пришелся удар.

Рамис вел допрос:

– У тебя нет выбора. Или ты добровольно отвечаешь на наши вопросы, или все равно отвечаешь, но с большими проблемами для здоровья.

– Для чьего здоровья?

– Не остри, остряк! – Рамис ткнул его кулаком в бок. – Я тоже могу пошутить. Если будешь упорствовать, на твоей могиле напишут: «Он ушел за “Клинским”»...

– Очень смешно!

– ...только могилку никто не увидит. Ноги в бочку с цементом – и в Финский залив. Знаешь, скольких я там утопил? Некоторых – живьем... Откуда взял портфель, падла?

– Нашел.

– Где?

– На Просвещения.

– Когда?

– Я помню?! На прошлой неделе.

– Что, так вот шел и нашел?

– Ну...

– Гну, баран ты нестриженный!

– Я к приятелю ездил.

– За героинном?

Артем запнулся. Рамис наотмашь врезал ему по лицу:

– Быстрее отвечай! Понял ведь уже, что мы не из ментовки. Твои наркотские дела нам до лампочки. Но за нашего друга мы любому пасть разорвем! Ты меня понял, обдолбыш?!

Вряд ли Артем много понял. Но заговорил побыстрее:

– На Просвете у меня кореш один живет. Мы до армии «рукопашкой» с ним занимались. Я поехал к нему, дозу взял... Зашел кольнуться в один парадняк, а там портфель этот валяется. Ну, я и взял, конечно! Хотел прямо там посмотреть, но замок не открыть было. Пришлось сюда притащить. Здесь открыл кое-как, посмотрел: сплошные бумаги. Чуть не выбросил! А потом решил: может быть, там что-то ценное. Ну и начал звонить...

– Долго же ты начинал!

– Страшно было... Так это, значит, ваш портфель? Вот, блин, попал!

– Ты еще не представляешь, как ты попал! – многообещающе произнес Рамис, искоса поглядывая на меня.

Я чуть заметно пожал плечами. Услышанное не вызвало у меня

однозначной реакции отторжения. В жизни случаются всякие глупости, но тяжело было представить, что Артем, застрелив Мишку, взял с собой улику и вознамерился нам ее втюхать. В то же время и верить в услышанное мне не хотелось. Как минимум, парень утаил какие-то детали.

Я показал на обрез, лежащий рядом со мной на диване:

– Это откуда? Тоже нашел?

Он хотел что-то сказать, но под взглядом Рамиса осекся и молча кивнул.

– Какой ты везучий! – я усмехнулся.

– Ничего, везение – штука обманчивая. Рано или поздно кончается. И твое везение кончилось... – пообещал Рамис.

И в подтверждение его слов появился гоблин с аптечкой из джипа.

– Вот, шеф, как просили!

– Спасибо, свободен. – Рамис взял черный пластмассовый ящичек, не торопясь, с улыбкой, открыл, стал копаться внутри, держа его так, чтобы Артем не мог ничего видеть, а лишь слышал шуршание упаковок и легкое звяканье склянок.

Среди безобидных лекарств, какие найдутся в каждой автоаптечке, имелось несколько ампул с препаратами, развязывающими языки. Рамис любил повторять, что на дворе третье тысячелетие и времена паяльника и утюга безвозвратно прошли.

– Ты ведь любишь уколы? – осведомился он, сдирая обертку со шприца. – Сейчас я его тебе сделаю. Будет небольно – вначале...

Он продолжал болтать что-то еще, я не слушал. Неожиданно мне стало противно. Настолько противно, что это чувство даже пересилило жажду мести. Бывало, что Рамис и раньше меня раздражал, но я впервые заметил, что для него процесс важнее результата. Ему не правду надо было узнать, а покуражиться, продемонстрировать силу. И отомстить за унижение, которое он испытал, брякнувшись в коридоре.

Рамис вколол наркоману небольшую дозу пентотала. Инъекция затянулась на три минуты – препарат требуется вводить с мизерной скоростью. Я думал, что Артем попытается вырваться, но он лежал тихо. Упаковав в мешочек использованный «баян» и пустую ампулу, Рамис стянул резиновые перчатки:

– Сейчас ты почувствуешь себя хорошо...

Нам пришлось ждать четверть часа, прежде чем у Артема начал развязываться язык. Процесс шел не быстро. Есть препараты, после использования которых у допрашиваемого начинается словесный понос, и он без всяких понуканий выбалтывает секреты, упрятанные в самые

далекие лабиринты сознания. При введении же пентотала человек теряет осторожность и не может врать, но потребности в общении не испытывает, и его надо расспрашивать, чтобы выяснить интересующие факты. Мало того, через какое-то время, индивидуальное для каждого организма, допрашиваемый начинает засыпать, так что следует поторопиться, чтобы успеть задать все вопросы.

«Разговорная стадия» Артема продолжалась минут пять или семь, а потом он отключился, свесив голову и пустив зеленую соплю до колен. Триста секунд – малый срок, но Артем в них уложился, осветив почти все моменты, которые нас волновали.

Я сидел с задумчивым видом. Татарин расхаживал по комнате из угла в угол.

Вырисовывалась картина, несколько отличающаяся от той, которую десантник Артем изобразил до укола.

Недалеко от пересечения Хо Ши Мина и Просвещения у него действительно обитал кореш, который торговал дурью. Артему, как постоянному клиенту, он предоставлял солидные скидки, а иногда и отпускал в долг. В день убийства Кушнера Артем отправился к другу за очередной дозой. Взял, ширнулся, стало хорошо. На обратном пути, шлепая дворами к метро, засек пацаненка, который сунул в мусорный бачок какой-то любопытный предмет и свинтил, нервно оглядываясь по сторонам. Когда он скрылся из вида, Артем поковырялся в бачке и нашел кушнеровский портфель. Приволок его домой в надежде поживиться и долго набирался храбрости, чтобы звякнуть в наш офис, телефон которого значился на бумагах...

Обрез же появился у него после того, как он сдавал свою хату каким-то черным. В феврале они съехали, не заплатив и бросив чемоданы со шмотьем – видать, кто-то здорово наступал им на пятки. Среди тряпок Артем и нашел обрезанную помповуху. Остальное барахло ушло знакомым барыгам, а ружьишко он придержал. Сначала – на случай, если черные возвратятся и предъявят претензии по поводу шмоток. Потом – из осторожности, вызванной пониманием факта, что в его окружении множество стукачей, и начини он выставять на продажу оружие, ментам это мигом станет известно.

Рамис спросил его, использовалось ли оружие, и Артем подтвердил, что в марте месяце таскался с ним в Удельный парк, стрелял по банкам для пробы.

После этого мы снова вернулись к кушнеровской теме, и здесь меня ждал сюрприз. Описывая «пацаненка», который выбросил портфель, Артем

заявил, что тот был лет шестнадцати или чуть старше.

К сожалению, почти сразу после этого утверждения он погрузился в глубокий наркотический сон...

Перестав мерить шагами ширину комнаты, Рамис остановился и посмотрел на меня:

– Надо поговорить с этим челом, к которому он за «герой» мотался.

– Поговори, кто мешает?!

– А с этим что делать?

– Есть предложения?

– Кубик воздуха в вену.

– А если он нам снова понадобится? Мертвые не потеют...

Словно услышав наш разговор, Артем хрюкнул и, не открывая глаз, пошевелил головой.

Я глядел на него и думал, что он – тезка моего сына. И всего-то на пять лет старше. Не дай бог моему Теме повторить такой путь! Одно утешает, если это можно назвать утешением. Мой сынок слишком малохолный и домашний, чтобы свернуть на извилистую тропинку. Его ничего не волнует, кроме компьютера. Для него Интернет значит то же самое, что для меня, в его возрасте, значил спорт. Лазают по сайтам и общаются в чатах больше времени, чем я проводил на тренировках. Пришлось даже выделенную линию домой провести, в качестве подарка к его последнему дню рождения. Все интересы сосредоточены в виртуальном пространстве. Еще год-два такой жизни, и он будет бояться выйти на улицу, как крот боится днем покинуть свое подземелье.

– Он нам не понадобится, – сказал Рамис. – А лучшие свидетели – это свидетелидохлые. Они не наглеют.

Я представил, как Артем приходит в себя после инъекции пентотала. Его нутро отравлено «герычем», так что неизвестно, каковым окажется пробуждение. Может, он ничего и не вспомнит. А если вспомнит? Если восстановит произошедшее в подробных деталях? Подастся в бега? Так ему бежать некуда! В лучшем случае, несколько дней пошивается у знакомых, но потом вернется домой и будет, с наркоманским фатализмом, надеяться, что все худшее позади. К ментам не пойдет, и реальных знакомых, которые могли бы устроить нам неприятности, у него нет. Так что...

– Пусть живет, – сказал я, поднимаясь. – А ты скатайся по-быстрому к этому барыге на Хо Ши Мина. Надеюсь, управитесь без меня? Буду в офисе ждать.

Рамис заверил меня, что все сделает в лучшем виде, но такой уж был

сегодня день, гладко не получилось.

Как всегда, Татарин хотел решить проблему наскоком. Но взять барыгу за жабры не удалось. Почуввав неладное, он успел позвонить своей «крыше», и те объявились через десять секунд. Прикатили на тачке с синими ментовскими номерами, сверкнули казенными ксивами. Вели себя так, словно бояться им нечего. Скрипя зубами, Рамис пошел на переговоры. Устроились в баре, в торговом центре «Шувалово». Ментов было двое. Суммарный их возраст вряд ли превышал сорок пять лет. Коротко стриженные, спортивные, с золотыми цепурами и несмолкающими мобильными телефонами последних моделей. Рамис объяснил, по какому поводу ему надо переговорить с их подопечным. Менты переглянулись, синхронно кивнули и разрешили допрос. Барыга, до тех пор тосковавший за отдельным столиком, был приглашен за общий стол. Волнуясь и то и дело поглядывая на свою «крышу», он рассказал, что Артем действительно является его постоянным клиентом, и в тот день, в интересующее нас время, брал товар. Расплатился наличными и ушел. О том, что в соседнем доме кого-то пришили, барыга узнал только через несколько дней. Кого именно, кто конкретно и за что непосредственно – без понятия. Одно достоверно: к его бизнесу эта мокруха отношения не имеет.

– Ты доволен? – усмехаясь, спросил Рамиса мент, который выглядел постарше.

Рамис не стал настаивать на употреблении пентотала. Расстался с ментами, лыбясь и пожимая руки. Потом через прикормленного полковника из ГУВД навел справки и узнал, что сладкая парочка, с которой он перетирал тему, служит в Комитете по контролю за оборотом наркотиков. С тем и пришел ко мне.

– Ты ему веришь? – спросил я, имея в виду барыгу.

– Похоже на правду.

– Ну и?..

Татарин раздраженно передернул плечами.

Мы сидели в моем кабинете в головном офисе. Я, Рамис и Цыган. На столе, перед каждым из нас, дымилась чашка кофе. К крепким напиткам, предусмотрительно выставленным секретаршей, никто не притрагивался.

Цыганков отхлебнул кофе:

– Артем достал из помойки портфель. Но он не может утверждать, что видел, как именно малолетка положил портфель туда.

– То есть?

– То есть пацаненок сунул в бачок одну вещь, похожую на портфель, а Артем достал совершенно другую, но посчитал, что это именно она.

Добросовестное заблуждение!

– Тебе, начальник, только улики разваливать! – оскалился Рамис. – Привык в своей ментовке людей на хер посылать, вот и здесь роешь яму там, где ничего нет. Они что, шпионы какие-то? Один оставил, другой взял, и оба ошиблись?! Тьфу, бля, не бывает такого!

Цыганков поджал губы:

– Хорошо! Можно, конечно, предположить, что Кушнер был извращенцем и трахал мальчишек из Катькиного сада. И один из них решил ему отомстить. Достал пушку, вычислил адрес, застрелил и унес портфель, чтобы мы головы поломали. Унес и выбросил на помойку.

– Сам ты извращенец! – Рамис громыхнул кулаками по столу так, что подпрыгнули кофейные чашки.

Цыган невозмутимо продолжил:

– Или же мы имеем дело с группой киллеров-малолеток. Но я о такой даже краем уха не слыхивал. И сомневаюсь, что она может существовать. У нас все-таки не Италия.

– Надо же, какой ты информированный! – усмехнулся Рамис. – А мне вот, например, давали один телефончик, через который сопляка с вольной можно нанять.

– Тихо! – Я жестом призвал их к спокойствию. – Во-первых, пацан, которого видел Артем, портфель тоже мог просто где-то найти. Посмотрел, решил, что ничего интересного, и выбросил на хрен. Во-вторых, Рамис, займись-ка прямо сейчас этим телефонным номерком, который тебе кто-то давал. А в-третьих, Лев Валентинович, отправляйтесь вы завтра в Прибалтику и узнайте мне о делах Мишки Кушнера и о бизнесе его бати...

Глава пятая

Удар лошади

Расследованием убийства занималась прокуратура района. Обыск в нашем офисе так и не провели, но на допрос меня дернули. Я приехал минута в минуту и полчаса парился в коридоре перед закрытой дверью кабинета. На двери была пришпилена бумажка: «Прошу подождать».

Когда я готов был плюнуть и смыться, появилась следачка.

– Константин Андреевич?

– Он самый.

– Давно ждете?

Ей было лет двадцать. Невысокая, светловолосая, в блузке навыпуск и голубых джинсах, с ладной фигуркой и голоском одновременно задорным и тихим. В одной руке она держала красную кружку от «Нескафе», в другой – большую связку ключей, среди которых выделялся брелок в виде пистолетного патрона.

– Давно. – Я поднялся с банкетки. – Но это не важно. Главное, что вы успели кофе попить.

Она распахнула дверь и первой вошла в кабинет. Я последовал за ней, оценивая вид со спины. Впечатление было благоприятным. Она устроилась за столом, махнула мне на стул у стены и потянулась к раскрытому сейфу, чтобы достать папку с бумагами. Блузка приподнялась, обнажая загорелый животик. Я разглядел небольшое колечко, вставленное в пупок.

– Меня зовут Алина Евгеньевна, – представилась девушка, бухая на стол перед собой объемистый скоросшиватель.

– Очень приятно, – кивнул я.

Алина принялась листать документы, от которых поднялась бумажная пыль. Странно: делу всего несколько дней, а оно уже выглядит, как архивное. Впрочем, чему удивляться? Невозможно было представить, чтобы куколка с накладными ногтями и кольцом в животе сумела раскрыть тайну гибели Кушнера. Такой на дискотеке отплясывать, а не допросы вести и убийц арестовывать. В тесном прокуренном кабинете, по углам которого громоздились пакеты с каким-то непонятным шмотьем, а полки шкафа прогибались под тяжестью толстых папок, Алина Евгеньевна производила впечатление инородного предмета.

Не отрываясь от чтения, Алина нашарила на столе пачку дамских сигарет и принялась искать зажигалку. Я приподнялся со стула и щелкнул

своей. Алина стрельнула в меня быстрым взглядом и прикурила, придерживав мою руку прохладной ладонью. Не спрашивая разрешения, я тоже закурил. Пепельница была только одна, и стояла она от меня далеко. Я взял со стола лист чистой бумаги и свернул кулек.

– Бумага у нас дефицит. – Алина оторвалась от чтения.

– Я вам пришлю пачку.

– Лучше сразу коробку.

– Как скажете!

Я подумал, что при других обстоятельствах не упустил бы возможности сойтись с девчонкой поближе. Но сейчас подбивать клинья я посчитал неуместным, ведь мы встретились в связи с убийством моего лучшего друга. Мне даже стало чуточку стыдно за свои похотливые мысли. А вот Рамис бы случая не упустил. Хотя бы лишь для того, чтобы иметь лазейку в районную прокуратуру. Поматросил бы и бросил, но так, чтобы обошлось без обид, чтобы потом еще долго можно было обращаться за консультацией или услугой. А в том, что Алина, хм, Евгеньевна повелась бы на мои «приставания», я лишний раз убедился, когда она, изучая мой паспорт, уделила внимание графам «Семейное положение» и «Дети». Как ни пыталась она это скрыть, но вид штампа о регистрации брака и запись о рождении сына вызвали у нее разочарование. Кольцо-то я не ношу, вот она, видать, и понадеялась поначалу, что встретила мужчинку не только интересного, но и свободного.

Может, насчет притягательности своей персоны я и здорово заблуждаюсь, и не такой уж я тип, чтобы заставить о себе грезить с первой минуты знакомства, но поведение девочки после изучения паспорта изменилось. Сухим голосом она задала формальные вопросы, а я столь же формально ответил. Все это заняло минут двадцать.

– Вы никого не подозреваете в убийстве? – спросила она напоследок.

– Увы! – развел я руками, а потом позволил себе маленькую шпильку: – Если бы я заподозрил, вы бы узнали об этом первой, не сомневайтесь.

– Я и не сомневаюсь. – Алина Евгеньевна достала сигарету, но моя помощь в прикуривании не потребовалась: волшебным образом зажигалка нашлась, и прежде, чем я успел дернуться, девушка уже выпустила клуб дыма.

А потом начала составлять протокол, и последней фразой, которую она произнесла *до того, как все началось*, было:

– Странно, что вы пришли без адвоката, Константин Андреевич! Надо же, такие люди – и без защиты.

Зазвонил мой телефон. На дисплее высветился незнакомый номер. Длинный, так называемый «федеральный». Начинался с «911» – значит, МТС. Я ответил:

– Алло!

Никогда не начинал разговор с такого приветствия, а тут взял и сказал.

Послышался женский голос. Неприятный, гнусавый. Очень, я бы сказал, характерный. Мне сразу представилась нечесаная «лошадь» с исколотыми руками, выстаивающая свою вахту на трассе, чтобы купить очередную порцию ширева. Этакая достойная подружка наркомана Артема...

Она сказала:

– Твой недоносок у нас.

Она сказала «Твой недоносок у нас» и замолчала, а я не врубился, кого она имеет в виду, только прижал трубку к уху, чтобы наострившая уши Алина не уловила ни слова, и брезгливо переспросил:

– Чего?

Получилось в лучших братковских традициях, смачно и коротко: «Чо?» И «лошадь» блеснула реакцией:

– Хрен в очо! Твой недоносок у нас. Если хочешь его увидеть живым, готовь сто тысяч баксов. К завтрашнему утру. Я еще позвоню. И не ходи в ментовку, коз-зел!

– Да ты...

Меня прошиб пот. Из трубки понеслись гудки отбоя. Я лихорадочно посмотрел на часы: половина четвертого. Артем – не наркоман-десантник, а мой сын, как раз должен возвращаться из школы. Что это было? Дурацкая шутка? Пасть порву за такие приколы! А если нет, если никто и не думал шутить, а моего отпрыска действительно захватили с целью получения выкупа?

Алина продолжала писать. Если она что-то и слышала, то виду не подала. Я встал, направился к двери. Она подняла голову:

– Вы куда, Константин Андреевич? Мы еще не закончили...

– Сейчас приду.

Я вышел в коридор. Слава богу, он был пуст. Быстрым шагом двинувшись к лестнице, я набрал «эмтээсовский» номер, с которого звонила лошадиха. Как и следовало ожидать, механический голос оповестил меня, что ее аппарат выключен. Я тут же перезвонил Рамису и, сдерживая эмоции, рассказал о звонке.

Он тоже продемонстрировал выдержку.

– Сейчас все узнаю. И пробью номерок. Девятьсот одиннадцать, как

там дальше?..

Я назвал цифры, которые, несмотря на их неудобное сочетание, намертво врезались в память, и мы разъединились.

Внутри у меня все кипело. Я прислонился к стене, приспустил узел галстука, ослабил воротник. Сунул в рот сигарету, похлопал по карманам в поисках зажигалки. Куда же она провалилась? Неужели в кабинете оставил?

– Слышь, друг! Угости сигареткой!

Не сразу дошло, что обращаются ко мне. Я повернулся на голос. По лестнице, держась за перила, поднимался незнакомый мне черт в истасканных шмотках. Еще один достойный кандидат в компанию наркомана-десантника.

Не вынимая рук из карманов, я шагнул парню навстречу и впалял пяткой в «солнце». Он сложился и пересчитал спиной ступени. Замер у стены сломанной куклой, и прошло немало времени, прежде чем он пошевелился.

– Хорош притворяться, – крикнул я сверху, испытывая внутреннее облегчение и одновременно сожалея, что так сильно ударил. Может, вообще не стоило его трогать? – Встань, кому говорят! Ну! А то сейчас добавлю, коз-зел!

Последнее слово я произнес с той интонацией, с какой его мне адресовали по телефону. Так сказать, вернул подачу. Только не по назначению.

Трясущимися руками отталкиваясь от стены и от пола, он попытался принять вертикальное положение. Не получилось. Охнув, он скрючился, обхватил живот руками. На меня не смотрел.

Я швырнул ему сигарету:

– На! И следи в следующий раз за базаром! Думай, кого можно называть другом...

Сигарета шлепнулась рядом с ним. Наверное, курить ему уже не хотелось. Но и проигнорировать мою доброту он не рискнул.

За моей спиной скрипнула дверь. Я обернулся. Из коридора высунулась Алина:

– Вот вы где! А я уже... – заметив поверженного мною противника, она замолчала.

– Он упал, – пояснил я. – Лестницы у вас скользкие, надо ковер постелить. Но он претензий не имеет. А ковер, если хотите, могу прислать вместе с бумагой. Персидский устроит?

Я говорил зло и весело. Нервы шалили. В том числе и по причине

осознания собственной неправоты.

– Молодой человек! – крикнула вниз Алина.

Он поднял голову. Выражение лица было у него, мягко говоря, страдальческим.

– Все в порядке, – прохрипел он, и прилипшая к нижней губе сигарета смешно трепыхалась при этом.

Алина посмотрела на меня. Я мог представить, что она думает. Приперся бычара в прокуратуру...

Желания оправдываться у меня не было.

– Вы все написали? Тогда пойдете, я подпишу!

Я пробежал глазами неполную страницу рукописного текста и поставил роспись в нескольких местах, отмеченных галочками:

– Могу быть свободным?

– Можете. Но если что-нибудь мне пона...

– Примчусь в ту же минуту, не сомневайтесь!

Наркомана на лестнице уже не было. Там, где он корчился у стены, валялась пуговица от рубашки. Я поддал ей ногой, и она запрыгала по ступеням, пока не свалилась в пролет между маршами...

* * *

Элитная школа, в которой учился Артем, тоже находилась на Петроградской, только в противоположном от моего офиса конце этого района. На занятия его привозили, а после занятий забирали, естественно, на машине. На черной «Ауди-А4» из гаража холдинга: скромно, но не хуже других. Водитель был постоянным, закрепленным за этой машиной, охранники же чередовались. Посылали одного из тех, кто был свободен в данный момент. Конечно, такая практика представляла существенный прокол в системе общей безопасности, но даже смерть Кушнера не заставила пересмотреть устоявшиеся традиции.

Был период, когда Артемка роптал по поводу такого жесткого сопровождения. Многих детей привозили сами родители, многих – отцовские шоферы, а кто-то и вовсе добирался на метро и маршрутках, причем зачастую это объяснялось принятой в их семьях системой воспитания, а не скaredностью или плохими финансовыми возможностями родителей. «Под конвоем» же, несмотря на всю крутизну и элитность учебного заведения, приезжали немногие, и Артему это не нравилось. Как всегда, разумных доводов в обоснование своей позиции он привести был не

в состоянии, и я охрану оставил. Артем еще какое-то время покуксился, но в конце концов вопрос отпал.

Сегодня занятия закончились в два сорок пять. Машина прибыла вовремя. В три часа Артем не появился, тогда как почти все его одноклассники уже разъехались – охранник обладал хорошей памятью и, не первый раз встречая моего сына, многих запомнил. В три десять он позвонил Артему на трубку – оказалось, что она выключена. Тогда он вошел в школу, переговорил с местным секьюрити, а потом отыскал классную руководительницу.

В три двадцать пять они начали осматривать помещения. В три тридцать мне позвонила скрипучая лошадь...

Перепуганная училка намеревалась без промедления вызвать милицию. Только телефонный звонок, а потом и появление Рамиса удержали ее от этого. Татарин взял ситуацию под контроль, заверив преподавателей, что имеют место шалости переходного возраста, а отнюдь не тяжкое преступление.

Преподаватели восприняли его заверения с облегчением.

Рамис выложил на стол пуговицу, которую подобрал во дворе, ползая в поисках вещественных доказательств. Она была от ученического пиджака – в школе обязывали носить специальную форму. Чистенькая, не поцарапанная, какой должна была бы стать, если б валялась несколько дней. Вырванная из пиджака, что называется, с мясом.

Пока я паялся на находку и пытался заставить соображалку работать, один из помощников Татарина отзвонился и сообщил, что надыбал свидетеля. Мы подорвались из офиса и прилетели к школе за пятнадцать минут. Не осталось ни одного пункта правил движения, которого бы мы не нарушили...

Свидетель был ценным.

Восемнадцатилетний парень по имени Саша ждал свою девушку. Подруга, как водится, опаздывала. Скучая, Саша глазел по сторонам и потому обратил внимание на непримечательную, в общем-то, сцену. Из двора, того самого двора, двое взрослых мужчин вывели и усадили в машину пацана, одетого в малиновый пиджак и черные брюки. Один из мужчин крепко держал парня за локоть, хотя пацан как будто не сопротивлялся и не предпринимал попыток бежать. Сев в машину, стоявшую с заведенным движком, они укатили.

На машине были номера синего цвета.

А один из мужчин был одет в зеленый камуфляж, вроде того, в каких раньше ходили омовцы, и черный берет.

Я показал фотку Артема.

Саша кивнул:

– Точно, он!

– Расскажи-ка все заново...

Противоречий не выявилось. И сам Александр производил благоприятное впечатление. Невозмутимый, не по годам рассудительный. И, что не могло мне не импонировать, спортивный. Весом под центнер, с характерно набитыми кулаками. Обдумывая услышанное, я машинально спросил:

– Тренируешься?

– Ага. Русский стиль...

– Вот что, Санек. Об увиденном – никому ни слова. Усек? А если встретишь где-нибудь тех двоих, которые пацаненка вели, позвони по этим вот телефонам. Договорились?

Кроме бумажки с номерами мобил, своей и Рамиса я дал ему триста долларов и пообещал заплатить в несколько раз больше в случае положительного результата. Саша солидно кивнул и убрал баксы в бумажник:

– У бабы моей день рождения скоро. Теперь есть, на что погулять...

– Какого числа?

– А зачем вам?

– Получишь подарок от фирмы.

Саша сказал. Рамис, который, как и я, помнил фразу из одного отличного фильма про важность правильной работы со свидетелем, демонстративно записал это в свою книжку, после чего мы пожали пацану руки и покинули кафетерий, в котором проходила беседа.

Тут же у меня зазвонил телефон. На дисплее высвечивался знакомый «эмтээсовский» номер. Прочистив горло, я сказал «Алло», как будто это стало моим паролем при общении с похитителями.

– Алло!

– Это ты, коз-зел? Слушай сюда! Бабки готовишь? Сто косарей должны быть к утру, иначе с твоим недоноском получится то же, что с Кушнером получилось. Ты меня понял?

Глава шестая

Первый контакт

Я сидел в комнате сына, тяжело облокотившись на компьютерный стол.

За окном было темно.

Сколько раз я здесь бывал? Заходил почти ежедневно и знал, казалось бы, каждую мелочь.

Теперь я смотрел на все другими глазами. Мне думалось, что где-нибудь здесь может быть нечто, в какой-то степени объясняющее происшедшее. Почему его похитили? Только из-за того, что я в состоянии выложить приличный выкуп? Или имелась другая причина, по которой выбрали конкретно его, а не другого ученика элитной школы? Ведь если оценивать родителей учеников, то я отнюдь не самый богатый. Множество пап, в плане богатства, значительно круче меня. Для меня сотня тысяч – почти предельная сумма, которую я могу собрать в установленный срок. Заломи они больше, и мне пришлось бы серьезно одалживаться, или вытаскивать деньги из-за границы, или вспоминать прошлое, когда проблема отсутствия свободной наличности решалась при помощи утюга и паяльника. Но они назначили ровно столько, сколько я был в состоянии выложить без серьезных напрягов. Что это, очередное совпадение? Или трезвый расчет, основанный на осведомленности о моем финансовом положении? И еще: я был не только не самым богатым, но и отнюдь не самым незащищенным среди отцов гимназистов. Казалось, логичнее, с точки зрения собственной безопасности, наехать на папу, за которым нет такой силы и такого авторитета, которым обладаю я. Не могут ведь они не понимать, что передачей выкупа история не закончится! Значит, уверены в своей безопасности? Или это просто бараны, вписавшиеся в блудняк без анализа ситуации и последствий?

Два часа назад состоялся еще один разговор. Позвонила та же «лошадка»:

– Собрал бабки?

– Собрал... – Я как раз сидел в офисе и наблюдал, как Рамис снимает ксерокопии купюр. – Ты за ними приедешь?

– Что? У тебя острый язык? А у меня жопа небритая, понял? Короче, на...

Из трубки донеслись шуршание и какие-то стуки, а потом я услышал

голос Артема:

– Папа!

– С тобой все нормально?

– Только били немного...

– Держись, я тебя выручу! Завтра ты будешь дома. Делай все, что они говорят, хорошо? Главное – вернуться домой. Мы с мамой тебя очень любим.

«Лошадь» отобрала у него телефон и рывкнула так, что у меня чуть не вылетела барабанная перепонка:

– Достаточно!

– Послушай меня. – Я постарался говорить спокойно и твердо. – Не трогайте его больше. Что было, то было, но больше не надо, договорились? Если я получу его целым, то искать вас не стану. Но если...

– Ты условия ставишь, коз-зел?! Да ты у меня лизать будешь, если я прикажу, понял? Молчи в промокашку, урод! И помни о Кушнере. Чао!

О Кушнере я и не забывал. Но увязать его смерть с похищением сына удавалось с трудом. Находилось только одно объяснение: некая группа, состоящая из отморозков, не признающих понятий, получила заказ меня опустить. Это могло быть связано только с бизнесом. Некто, командующий отморозками, рассчитывал отобрать мое дело, лишив меня помощи аналитика-финансиста и организовав проблемы в личной жизни, которые я буду вынужден решать, позабыв о работе.

Я осматривал комнату сына...

Можно сказать, кроме дивана, так и оставшегося неприбранным с момента ухода Артема в школу, и компьютера с принтером, сканером и чем-то еще, расползшегося, точно спрут, по большому специальному столу, ничего больше в комнате не было. Одинокая стопка книг – тех, что требовалось читать по учебной программе, была задвинута в самый угол.

Беременность Инги спланирована не была, просто не оказалось в нужный момент под рукой «изделия № 2». А после травм, полученных мной в армии, детей у нас больше быть не могло. Все это наложило свой отпечаток на мое отношение к сыну. Слишком много я от него ждал, и слишком слабо оправдались мои ожидания.

Весь в делах и проблемах, я уделял сыну мало внимания. Груз воспитания волокля Инга, я же сосредоточился на построении материальной базы. Нельзя сказать, что у меня все шло гладко. До середины девяностых мыкались по съемным хибарам. С деньгами было то густо, то пусто. Несколько раз мне приходилось всерьез шхериться от ментов, и Инга терпеливо сносила ночные обыски и длительные допросы,

на которых от нее тщетно пытались добиться сведений о месте моего пребывания. Дважды меня основательно продырявили, и уж не помню, сколько раз я отлеживался, харкая кровью, после неудачных разборок с чужими бойцами. Но когда Артему стукнуло восемь лет, наша жизнь слегка устаканилась, и я начал с ним заниматься. Приучил к ежедневной зарядке, стал таскать в спортивные секции, отдавая предпочтение близким мне единоборствам. Ничего не получалось! Если я не стоял над душой, то он игнорировал утренние упражнения. В школе, успевая в точных науках, он имел железобетонный «тройк» по физре; тренеры же спортсекций в один голос твердили, что задатков у него нет и, что хуже того, нет никакого желания заниматься. Я нервничал, злился. Каюсь, я, бывало, распускал руки, пытаюсь наставить сынулю на путь истинный, но все было напрасно. Последней попыткой был теннис. Когда стало очевидным, что и здесь от Артема проку не будет, я сдался.

Нельзя сказать, что я поставил на Артеме крест. Ну, не вышло из парня спортсмена – бывает! В конце концов многие ни разу в жизни не надевали боксерских перчаток и не знали худшего наказания, чем игра в волейбол. Если бы дело ограничивалось только неприятием спорта, я бы пережил. Но у Артема начисто отсутствовал интерес к жизни! Казалось, оставь его одного – и не в тайге, а на улице города, – и он умрет с голода, даже не попытавшись раздобыть кусок хлеба!

Инга его защищала. Твердила, что всему виной мое воспитание. Что если бы он рос в нормальных условиях, то не было бы и половины проблем. Слова про условия меня раздражали. Я начинал заводиться и говорить, что миллионы парней живут в миллион раз хуже нашего сына, но она вздыхала: «Я не про деньги». «А про что? – кричал я. – Про что? Чего ему не хватает? Надо было его в Суворовское училище сдать, там бы научился драться и бороться за жизнь! Подрастет – от армии отмазывать не буду!» – «Ты хочешь, чтобы его убили в Чечне?» – «Мой сын так просто не дастся!» – «Ты же видишь, как он на тебя не похож...»

Когда я, тщательно подбирая слова, объяснил, что его похитили и требуют выкуп, реакция Инги была моментальной:

– Это все из-за твоих дел.

– Ясен пень, что не из-за твоих! Ты бы предпочла, чтобы я работал на заводе? Или тренером в школе? Поверь, у них еще больше проблем, чем у нас. И значительно меньше способов с проблемами справиться...

Посидев молча какое-то время, она слегка успокоилась.

– Ты им заплатишь?

– Придется.

– И ты уверен, что после этого Тема вернется домой?

Я встал, подошел к ней, обнял за плечи. Она прижалась ко мне. Гладя жену по голове, я сказал:

– Ты пойми, это просто группа уродов, которые позарились на наши деньги. Сами заработать не могут, вот и придумали способ. Но я их предупредил: если с сыном что-то случится, достану из-под земли!

– Думаешь, испугаются?

– Малыш, в этом городе со мной пока что считаются!

– Хотелось бы верить... Господи, сначала Миша, теперь Артем. Да что ж такое творится?

– Что-то ты очень сильно по поводу Кушнера убиваешься.

– Да как ты можешь так говорить? Он ведь был нашим другом!

Я смотрел на нее и чувствовал давно забытую ревность, столь неуместную в нынешней ситуации. Инга всегда меня уверяла, что между ней и Кушнером ничего не было. Сперва я ей верил, потом засомневался. Потом снова поверил. Во всяком случае, если что-то и было, то очень давно, до моего с ней знакомства.

А если...

Сначала Кушнер, теперь Артем. Как сказал Мишкин отец, он всегда любил Ингу и не женился, потому что не мог найти девушку, похожую на него.

У Кушнера-старшего какие-то дела в Прибалтике.

Что объединяет Мишку, Ингу и Прибалтику?

Лет десять назад у нашей «бригады» были там определенные интересы, но тема быстро закрылась.

Инга родилась и окончила в Латвии школу. Там до сих пор живет ее отец, после смерти матери создавший новую семью и практически оборвавший все связи как с дочерью, так и с другими родственниками.

Мишку, Ингу и Латвию объединяют Холоновский и Муса.

Неужели нынешние события – продолжение той давней истории?

Я не мог в это поверить.

Я не видел Холоновского и Мусу с той нашей единственной встречи в конце апреля восемьдесят седьмого года. Вернее, не видел вживую. Оба промелькнули на экранах телевизоров. Холоновский – как один из активных участников избирательной кампании Ельцина в девяносто шестом. Ельцин совершал предвыборное турне и в каком-то городе, сняв пиджак, пошел отплясывать по открытой сцене. Телекамера на мгновение зафиксировала Холоновского, выглядывающего из-за кулис, а в следующем сюжете он дал короткое интервью, закончившееся призывом: «Голосуй, или

проиграешь!»

А Мусу я с удивлением узнал, когда двумя месяцами позже смотрел репортаж о подписании Хасавюртовских соглашений. Отпустивший усы и бороду Муса, в каракулевой папахе и камуфляже, стоял среди чеченских полевых командиров, сопровождавших Масхадова. Его окликнули, он отвернулся и отошел, а потом мелькнул на заднем плане, разговаривающий по спутниковому телефону.

Я попытался навести о них справки и выяснил, что Холоновский считается преуспевающим столичным политехнологом, консультирующим многих известных политиков и бизнесменов.

А вот про Мусу ничего конкретного узнать не получилось. Во всяком случае, в Питере его сто лет никто не видел. А в Москве, где он пользовался серьезным авторитетом в чеченской диаспоре, последние упоминания о нем относились году к двухтысячному. Может, он вообще погиб во второй чеченской войне...

Я не мог поверить, что спустя семнадцать лет они вспомнили обо мне и взялись отомстить за мелкие неприятности, которые я когда-то им причинил. Хотя один сумасшедший, с которым я разговаривал в декабре девяносто первого в тюремной больнице и предупреждал, что через десять лет они до меня доберутся...

Инга ушла в спальню, я же пробрался в комнату сына. Сидел, смотрел на экран монитора. Потом включил компьютер. Если существует подсказка, которая поможет вычислить похитителей, то она непременно содержится в «компе». Может, у Артема в последнее время появились какие-то подозрительные знакомые...

Я просмотрел все файлы, которые смог открыть, и ничего любопытного не нашел. Разве что обилие порнухи. Похоже, сыночек был частым посетителем запретных сайтов и перекачивал с них понравившиеся картинки. Следовало отметить, что его вкус в отношении женщин с моим совпадал. Только я в его возрасте давно не был девственником и имел теток покрупнее тех, что красовались на интернетовских фотках. Он же, как мне представлялось, до сих пор вряд ли даже целовался по-настоящему. Только открытки разглядывал, да шмыгал носом перед дыркой в стене женского туалета.

Мое занятие было прервано звонком сотового телефона. На дисплее вытянулся номер Рамиса, и я нарочито спокойно сказал:

- Слушаю. Какие-то новости?
- Мы пробили трубочку, с которой тебе эта шмара звонила.
- Что так долго?

– Быстрее не вышло. Номер зарегистрирован месяц назад, по левому паспорту: хозяин его давно умер. Поговорили с девчонкой из «эмтээса», которая регистрацию оформляла, но она ни хера вспомнить не может. Говорит, каждый день по десятку клиентов... Но якобы, если бы было явное несоответствие между паспортом и тем, кто его предъявил, она бы это заметила и регистрировать бы не стала.

– Ты ей веришь? Может, с ней по-другому поговорить, не так ласково? Если ей сунули денежку, чтобы она в документы туфту написала, то должна помнить, кто и когда ей совал...

– Понимаешь, она с одним пацанчиком живет, которого я знаю немного. Он клянется, что она не врет.

– А ему ты веришь?

– Он на правильных понятиях стоит. И нет ему резона воду мутить, помог бы нам, если б был в состоянии.

– Ну, как знаешь. Все?

– Еще не все! С трубочки этой за месяц было несколько звонков сделано. В основном тоже на трубки. Мы сейчас проверяем. Вот только...

– Ну что еще? Да не тяни ты, блин, время!

– Я думаю, они что, совсем на голову контуженые? Почему не выключили определитель? Боюсь, телефон давно хозяина поменял, и нынешний, который звонит тебе, с прежним никаким боком не связан...

* * *

Инструкции поступили в половине восьмого утра.

– Выспался?

Я промолчал. «Лошадь» скрипуче заржала.

– Давай ближе к теме, – поторопил я.

– Может, и дам, если попросишь как следует! – она перевела дыхание. – Бабки готовы?

– Готовы.

– Хорошо! Сам их нам привезешь.

– Привезу. Куда везти?

– Не суетись под клиентом. Приедешь один, на красном запоре...

Я не понял:

– Чего?

– Машинка такая есть, иностранная. Называется «запорожец». Усек? Вот на нем и поедешь. На красном, чтоб мы видели издалека.

– Да где ж я его возьму?

– Где хочешь. Времени тебе – три часа. В одиннадцать ты должен стоять у «Лесной». Найди место поближе к остановке восьмидесятого автобуса. Я позвоню. И чтобы никого с собой не брал!

Она отключилась.

...Машину купили по газетному объявлению. Дедок, который ее продавал, обалдел дважды. Вначале, когда мы подкатили к его дому на двух внедорожниках. И потом, когда выложили пятьсот баксов и за полчаса сначала отметились у гаишников, а потом оформили сделку у прикормленного нотариуса. Связавшись с нами, дед был уверен, что его неминуемо кинут, и хорошо, если обойдется без ударов по голове, одними угрозами. Только ощутив в руке тощую пачку банкнот, он начал возвращаться к жизни. Я заметил в его глазах слезы, когда он прощался с машиной. И хотя стоило думать о своих неприятностях, я представил, как он покупал это чудо советского автопрома четверть века назад и с гордостью катил на нем на дачу, набив салон родственниками и помидорной рассадой.

– Подожди, отец. – Он уже развернулся, чтобы уйти, когда я тронул его за плечо.

Порывшись в бумажнике, я достал тысячерублевку и сотню:

– Это тебе на такси, чтоб до дома доехал быстрее. А это.... – сказать слово «поминки» язык мой не повернулся. – А это – отметить продажу.

– Спасибо.

Если доллары он убрал чуть ли не куда-то под рубашку, то рубли положил в нагрудный карман заношенного пиджака. Я поправил зеленую тысячу так, чтобы уголок не торчал над кармашком и протянул для пожатия руку:

– Счастливо, отец!

Он ушел. Пока я занимался благотворительностью, Рамис забрался в кабину «запора» и, чертыхаясь, осваивал управление. Я посмотрел на часы: времени оставалось в обрез, только-только до «Лесной» добраться.

– Вылазь, Татарин! – Я хлопнул по крыше «запора».

Он выбрался из непривычной машины, сунул руки в карманы. Прищурившись, посмотрел вслед уходящему старику. Тот не воспользовался моим предложением добраться быстрее и чапал к остановке трамвая.

Рамис достал сигареты, предложил мне. Я отказался. Он тоже не стал закуривать и убрал пачку в карман. Зачем тогда вынимал?

– Почти как с завода, – он кивнул на «жопарик». – Идеальное

состояние. Как будто не ездили.

– Сколько там на спидометре?

– Двадцать пять тысяч.

– Вряд ли он скручивал. И похоже, ни одного «мерседеса» на клык не насадил...

Я сел за руль. Машинально хотел отрегулировать кресло и рулевую колонку... Ругнулся и повернул ключ в замке зажигания. Мотор бодро заверещал.

Татарин принес из джипа спортивную сумку. В ней, на дне, под грудой старого шмотья, лежали деньги в целлофановом пакете. Я бросил сумку на заднее сиденье и хлопнул дверью.

У Рамиса зазвонил телефон. Он выслушал, угрюмо буркнул «Давай!» и пояснил мне:

– Цыган объявился. Он уже в «Пулково», несется сюда.

– Куда именно?

Рамис пожал плечами, а лицом выразил пренебрежительное отношение к Цыганкову. Дескать, я всегда предупреждал, что от бывшего опера проку не будет, он только и может, что суету разводить.

– Вовремя он... Кстати, а почему он позвонил тебе, а не мне?

Рамис опять пожал плечами. Понравился ему в последнее время этот жест. Прежде за ним такого не замечалось, он всегда отличался конкретикой. Даже когда не знал, что ответить, всегда что-нибудь говорил.

Я придавил педаль газа, и тарахтящий мотор натяжно взвизгнул на высоких нотах.

– Все-таки я не врубаюсь, на фига они эту байдю с тачкой придумали. – Татарин поморщился от непривычного неблагородного звука.

– Чтоб издалека меня видеть и слышать. И чтоб я никого не смог догнать.

– А по-моему, они над нами просто издеваются.

Я оценил ненавязчивое «над нами».

– Посмотрим. Хорошо издевается тот, кто смеется последним. Давай!

Махнув рукой, я поехал.

Ощущения были незабываемые. Сначала я, забыв, на чем еду, пытался нестись в общем потоке. Но меня быстренько обломали, энергично вытеснив в правый ряд. Когда впереди оказывалась припаркованная машина, объехать ее мне никто не давал, и приходилось подолгу выстаивать, мигая левым поворотником.

Наконец я увидел свободное место и рванул, объезжая вставший грузовик. Не рассчитал: летевший сзади БМВ успел мигнуть ксеноновым

светом, но даже не попытался затормозить и вцепился мне в крыло.

Я приложился грудью о баранку. «Жопарик» дернулся и заглох. От удара что-то переключилось в его электричестве, и перед моими глазами, пока я медленно отваливался от руля на сиденье, замельтешили дворники, размазывая по стеклу сухую грязь.

Шумно пульсировала кровь в висках. Во рту пересохло. «Как глупо!» – думал я, выбираясь наружу. Боли в груди я не чувствовал – она проявилась потом, когда напряжение спало.

Машины, которых только что было вокруг великое множество, куда-то все испарились. Стоял у обочины грузовик – виновник аварии, вспыхивали аварийные огни «бээмвухи». А больше никого не было. Даже Рамиса, чей джип я лицезрел в зеркале буквально минуту назад.

От столкновения «жопарик» пострадал мало. Скособочился бампер, да фонарь расколола трещина. Сверкающая БМВ выглядела похуже. Помимо битых фар и облицовки пострадало крыло – над передним правым колесом шла глубокая борозда. Вроде бы моему «запорожцу» прорисовать ее было нечем...

В «бомбе» оказалось шесть человек. Три пацана и три лярвы. Вылезли все, и водила сказал хрестоматийную фразу:

– Ну, мужик, ты попал!

Говоруноу было лет двадцать, не больше. Тощий, в костюмчике и в очках, с блестящей прической волосок к волоску. Туалетной водой от него пахло так, словно он не брызгался ею, а принимал ванну. Даже я, своим трижды ломаным носом, это почувствовал. Будь он один – наверняка бы не выступал. Не та у него была масса, чтобы разборки чинить. Будь он один – заперся бы в кабине и верещал бы в мобильник, вызывая подмогу. Но за его спиной высились два амбала, и он чувствовал себя сильным.

Они стояли молча, перекачивая челюстями жвачку. Чувствовалось, что это не «анаболики», тупо нарастившие мышцы, чтобы покрасоваться на пляже, а вполне реальные бойцы, имеющие за плечами неплохой список побед. Они не намерены разговаривать, они постараются отбукать меня, а потом стрясти деньги. По одиночке я бы смог уделать каждого из них, но обоих сразу одолеть не получится...

Пистолета у меня с собой не было. Рамис предлагал взять, а я отказался. Конечно, «запорожцы» ДПС тормозит редко, но я решил подстраховаться.

Теперь пожалел...

В моем кармане завибрировал сотовый телефон. Наверняка Татарин проявился, будь он неладен! Ответить я уже не мог, началась потасовка.

Я не ошибся в прогнозах. Амбалы тренировались не понапрасну. Атаковали слаженно и мощно. Как будто готовились к нашей встрече и знали, чем меня можно поддеть.

При первом натиске я устоял. Разорвал дистанцию, сплюнул выбитый зуб. Голова гудела, как чугунный котел. Еще один приличный удар – и я потеряю ориентацию. Даже если не упаду, проку от меня будет немного. Превращусь, на потеху ребятам, в живую «грушу» для тренировок. Мельком подумал: каково было бы прежнему хозяину «запорожца», оказался он на моем месте.

И еще я подумал: бабы должны были бы голосить. Или подбадривать своих пацанов, или, наоборот, останавливать их, нервно оглядываясь по сторонам. Но бабы вели себя атипично. Стояли и внимательно смотрели, как меня бьют. Словно готовились встать на замену амбалам, если я окажусь половчее. И очкарик-водила молчал...

Одного я все-таки уронил. Провел серию в корпус, а потом саданул крюком в челюсть. Мою руку до самого локтя пронзила боль, и я понял, что в ближайшее время она не боеспособна и рассчитывать можно только на левую, которая у меня заметно слабее, и на ноги, от ударов которыми оба противника защищались очень эффективно...

Одного я уронил, а вслед за ним уронили меня. Я видел удар, но не мог уже ничего сделать. Только подумал: «Где этот чертов Татарин?».

И отключился, когда в голове взорвалась бомба.

Глава седьмая

Разбор полетов

Сумки с деньгами в «жопарике» не было.

Как не было и БМВ.

В отключке я валялся минут пять. Когда оторвал голову от асфальта, то сразу увидел внедорожник Рамиса, несущийся ко мне на всех парах.

Поднялся, доковылял до машины, через окно заглянул внутрь.

Сумки с деньгами в «жопарике» не было...

Меня вырвало. Досталось и «запорожцу», и пыльному грузовику, так неудачно вставшему на прикол. Неудачно?! Или все было подстроено?

Тошнота и рвота – верные признаки сотрясения головного мозга. Вот только рановато они у меня проявились. Обычно бывало попозже. Старею, наверное...

Татарин выпрыгнул из джипа, подбежал.

Я посмотрел на него так, что он подавился словами. Хотел, наверное, спросить, что случилось. Не спросил. Протянул мне платок, чтобы я вытер морду. Я вытер и бросил платок в лужу рвоты. Спросил, присаживаясь на капот «запорожца»:

– Где ты был, урод? Пиво пил?

Рамис захлопал глазами. Я подумал, что если он сейчас пожмет плечами, то я ему врежу. Сначала засажу в кривой тонкий нос, а потом схвачу за волосы и буду колотить его тупорылую башку о капот до тех пор, пока она не расколется.

Где он был, падла?!

– У нас колесо взорвалось, – сказал он, отступая от меня на полтора шага. – Переднее правое.

– Да? – Весь мой запал угас. Словно из шарика стравили воздух. – Ну хорошо, хоть не запаска рванула! Все целы? Не ушиблись? Ну и славненько!

– Колесо взорвалось. Такого никогда не было...

– Не было? Ну, какая херня! Все когда-то бывает впервые.

– А у тебя что случилось?

Я рассказал. Не дослушав, Татарин бросился в «запорожец» и, словно лох, у которого умыкнули борсетку, перевернул весь салон. Сумки, естественно, не нашлось, и тогда Рамис испустил долгое проклятье на родном языке.

– Что будем делать?

Он промолчал. Я достал сотовый телефон... Попутно проверил карманы: все было на месте, и бумажник с деньгами, и бумажник с водительскими документами, и ключи всякие, и зажигалка «Зиппо» в позолоченном корпусе. Я нашел в памяти «трубки» номер «лошади», нажал кнопку набора. Вытянув шею, Рамис ждал с таким напряжением, что мне стало смешно.

Аппарат «лошади» был отключен. С тем же результатом я перезвонил. И опять спросил у Рамиса:

– Что делать?

– Надо ехать на место, к «Лесной».

– И что?

– Ждать. Должна же она позвонить!

– Сомневаюсь...

Все-таки мы поехали. Я просидел в «запорожце» тридцать минут. На связь со мной никто не вышел.

* * *

Цыганков прохаживался по кабинету, и весь его вид говорил: «Ну и напороли вы тут без меня!»

Я сидел в кресле, вытянув ноги. Болела голова, болела грудина. Саднило правую голень – по ней пришлось несколько сильных ударов. На столике, в пределах досягаемости руки, призывно блестело спиртное, торопливо организованное секретаршей. Сто граммов «Чиваса ригал» я принял и на этом успокоился. Виски немного притупило ощущение боли.

Рамис сидел перед столом на неудобном жестком стуле. Мусолил в руках сигареты, но не курил. Ему отводилась роль проштрафившегося школяра, и он ее терпеливо играл. Рассчитывая, наверное, в глубине души, что пройдет какое-то время, и он поменяется с Цыганом местами.

А Цыганков был на коне. В Прибалтику он слетал не напрасно, раздобыл кое-чего, но убийство Кушнера отодвинулось на второй план под напором сегодняшних бед. И Лев Валентинович анализировал их:

– Существуют всего два варианта. Вариант первый: в БМВ были люди случайные, и ДТП получилось случайно. После драки они сунули нос в «запорожец» и нашли в сумке деньги. Естественно, прихватили и смылись. Вариант второй – все это было инсценировано похитителями. Казалось бы, слишком сложная схема. Ан нет! Ведь сработало! Имел место эффект

неожиданности. Вы ожидали чего угодно, но только не этого. Получили инструкции и расслабились, пребывая в уверенности, что до «Лесной» ничего случиться не может. Для этого, кстати, им и потребовался «запорожец». Чтобы не ошибиться и чтобы проще было организовать ДТП.

– Почему взорвалось колесо? – перебил я.

– Скоро узнаем. Я отдал его специалистам, ответ будет завтра к обеду. Самый подробный.

– Хорошо, подождем до обеда. Тебе лично какой вариант нравится больше?

– Мне лично они оба не нравятся. Но я склоняюсь к первому варианту.

– То есть случайность? Тогда почему же они больше не вышли на связь?

– Может быть, у них так было с самого начала задумано. Сегодня нас продинамить, а, например, завтра или же ночью устроить реальную встречу. А может, они издали следили за твоим «запорожцем» и видели все в деталях.

Я пораскинул мозгами. Соображалка работала туго. Что и говорить, досталось ей крепко. Сколько уже лет меня не метелили так конкретно? Года с девяносто пятого, если не больше. Последний раз меня так увесисто отоварили на «стрелке» с чеченами. Обработали меня бейсбольной битой. Руку сломали, пальцы, внутренности кое-какие поотбивали, черепушку пробили. Две недели в реанимации парился. Сейчас, что и говорить, досталось на порядок слабее, так ведь и времена нынче не те...

Совещание зашло в тупик, и я отпустил Рамиса и Льва Валентиновича. Только они вышли, позвонила Карина:

– У тебя все нормально?

– А почему у меня должно быть не нормально?

О похищении сына я ей не говорил.

– Просто мне такой сон приснился...

– Долго же ты ждала! Или только проснулась?

– Боялась тебе помешать. Думала: а вдруг у тебя именно сейчас что-то важное, а я так не вовремя?

– Молодец.

– Ты ко мне приедешь сегодня? Я так соскучилась!

Вопрос вызвал у меня затруднения.

Бывало, я ночевал у Карины. Не часто, в среднем раз в три недели. Инга вопросов не задавала, хотя и догадывалась, наверное, что во время отлучек я занимаюсь не фармацевтикой. Можно было бы зависнуть у любовницы и сегодня. Не столько ради постельных утех, сколько ради того,

чтобы не объясняться с женой по поводу сына. По телефону я ей сообщил, что встреча с похитителями сорвалась по форс-мажорным причинам, но на судьбе Темы это не отразится, через день или два он будет дома. Уверенность, которую мне удалось разыграть, подействовала на жену. Но надолго ли? Так что хотелось мне смалодушничать и от разговоров тяжелых уйти. Использовать ночь для восстановления сил, а не тратить ее на бесполезные споры с супругой. С другой стороны, оставить ее в такой момент одну, как мне казалось, было бы совсем непорядочно. Хотя – как посмотреть. Если считать, что верхняя цель – возвращение сына, то я должен прикладывать все усилия для ее достижения, а не успокаивать Ингу. Привезу Артема – она сама успокоится. Тогда и поговорим.

– Нет, не приеду, – наконец решил я. – Много дел. Завтра перезвоню.

Я положил трубку и набулькал в широкий стакан граммов семьдесят «Чиваса». Разбавил чуть меньше, чем наполовину, бросил три кубика льда. Встал, пошел к окну. Ушибленная нога подвернулась, и я непроизвольно охнул, плескнув из стакана на ковролин. Может, именно это и обусловило мой отказ поехать к Карине? Попросту не хотелось, чтобы она видела меня в таком виде?

Я встал у окна и поглядел вниз, во двор. К арке прилепилась будка охранника, полосатый шлагбаум был опущен. Часть парковочных мест была занята. Одиноко стояла черная «ауди», на которой возили Артема. Стоял джип, у которого так не вовремя взорвалось колесо. Вплотную к нему притерлась тачка одного нашего менеджера. А дальше, на одной из самых козырных делянок, с которых было удобнее всего выезжать, разместился «глазастый мерин» Цыгана.

Значит, он еще в офисе. И, если я не ошибся в своих предположениях, задержался он специально, чтобы переговорить со мной с глазу на глаз.

И поговорить отнюдь не об удачной поездке в Прибалтику...

* * *

Я приехал домой ровно в полночь и, входя в подъезд, услышал, как в одной из квартир радио транслирует гимн.

Охранник сопровождал меня на этаж и деликатно отошел в сторону, когда услышал, как открывается дверь. В квартире кроме Инги находился его коллега. Убедившись, что пришел именно я и мне в спину никто не упирается стволом автомата, он торопливо протиснулся мне навстречу, пробормотал приветствие и начал спускаться по лестнице. Теоретически,

охрана должна была убраться на базу и дежурить там в ожидании утренней смены, но я не сомневался, что Цыганков провел инструктаж, и они останутся в машине поблизости от моего дома. Смена прибудет сюда же, и один из охранников будет до вечера сопровождать Ингу, а два других отвезут меня на работу.

Инга вышла в коридор. Я улыбнулся, позабыв про выбитый зуб. Она беззвучно охнула и привалилась к стене. Я поспешил разуться и подойти к ней. Обнял, прижал. Нарочито бодро сказал:

– Все нормально.

– Тебя били?

– Меня невозможно побить. Просто не повезло.

Она зарыдала. Такое было чуть ли не впервые на моей памяти. Наверное, без рыданий не обходилось в девяносто первом, когда меня посадили, и в девяносто четвертом, когда я валялся в реанимации «Третьей истребительной» на Вавилова, – но тогда я этого видеть не мог.

Я гладил ее по голове, а она сотрясалась всем худеньким телом и, казалось, это никогда не закончится. Представив, что мог сегодня валяться на шелковых простынях в квартире Карины, я почувствовал себя, мягко говоря, некомфортно. Неожиданно пришло понимание одной вещи, которая была настолько проста, что из-за этого она всегда ускользала от моего внимания: ведь, кроме меня и Артема, у Инги никого нет. У меня есть работа, друзья. У Артема – будущее, которое он сможет раскрасить по своему усмотрению. А она целиком отдала себя нам.

Словно услышав мои мысли, Инга сказала:

– Зачем это все?

– Ты о чем?

– Ты понимаешь! Деньги не защитили Артема и не уберегли сегодня тебя. Что будет дальше?

– Артем вернется домой, а я вставлю золотой зуб.

– Мне сегодня приснилось, как я прихожу на ваши могилы...

Господи, они что, сговорились с Кариной? Или им сны одинаковые транслируют?

– Если не хочется, можешь не приходить, – остроумно пошутил я, и супруга зарыдала еще пуще.

Кое-как мне удалось ее успокоить...

Инга уснула, отвернувшись от меня, что для нее было вовсе не характерно. А я лежал и смотрел в потолок, по которому периодически проплывали полосы света от фар проезжавших машин. Щупал языком дыру на месте, где еще утром был зуб, и вспоминал вечерний разговор с

Цыганковым.

Он сразу взял быка за рога:

– Колесо джипа взорвали. Никакой экспертизы не требуется, специалисты сразу нашли частички тротила. Мини-заряд с дистанционным управлением.

– Значит, кто-то их пас...

– Необязательно. Заряд могли инициировать и из самой машины. Если расстояние маленькое, то дистанционный пульт – меньше пейджера. Кнопку можно нажать, не вынимая руки из кармана. Вы помните, Константин Андреич, когда у них крышка рванула? Как только они отъехали от светофора! То есть скорость была черепашьей; гарантировано, что никаких серьезных последствий. Остановились, и все. Еще один момент, Константин Андреич! Рамис вам сколько раз звонил, чтобы предупредить о задержке?

– Говорит, два. Я слышал только один, когда уже карусель началась. Но в телефоне отмечено «два звонка без ответа». Так что, скорее всего, я просто прослушал.

– Два раза... А должен был трезвонить, не переставая! И потом, что значит – не слышали? Может, он просто дал полгудка, чисто чтобы отметить, и отрубился? А почему в сопровождении шла только одна машина?

– Вторая ждала на «Лесной». Рамис сказал, так будет незаметнее.

– Херню он сказал, Константин Андреич. Хер-ню! Если по уму делать, то в эскorte должно было быть три машины идти. Одна впереди, одна сзади, и одна – совсем сзади. И еще три на «Лесной» стоять, в разных местах.

Подозрения Цыганкова упали на благодатную почву. Я сам давно пришел к выводу, что ДТП не было случайностью, и уж тем более, неслучайно похитили сумку. Знали, где лежит и что брать. За ней и охотились. Не подставься я, неудачно сунувшись из ряда – они бы меня внагляк поцарапали и заставили остановиться. Случайность... Допустим, ничего подстроено не было. Я вылез, он не успел затормозить. Выпендриваясь перед бабами, эти амбалы меня оттоптали. Как они должны были поступить дальше, следуя нормальной уличной логике? Или привести меня в чувство и начать трясти деньги и разводить на квартиру, или побыстрому опорожнить карманы и смыться. Могли и «жопарик» перетряхнуть, но кто бы стал вдумчиво ковырять содержимое непрезентабельной сумки, если на три четверти сверху и снизу она забита потным шмотьем и рваниной, а компактно упакованная валюта лежала

аккурат посередине? Просто дернули сумку, не вдаваясь в подробности? Сумку грязную взяли, а карманы мои, в которых было, чем поживиться, оставили целыми? Я в это не верил.

Вот только, кто их навел? И кто, как теперь выясняется, заминировал джип? На своих я пока не грешил, но подозрения Цыганкова...

– Константин Андреич!

– Ау!

– Вы действительно не запомнили номер «бээмвухи»? Или просто при Рамисе говорить не хотели?

– Действительно не запомнил.

– Как же вы так?..

– А вот так! – Я широко развел руками. – Не до того было. Обычный номер, не из блатных. Кажется, единица и трешка там где-то были.

– А буквы? – Цыганков с надеждой подался вперед, налегая на стол.

– Может, потом как-нибудь вспомню. – Я потер затылок.

Вспомнился Мастер. Как он говорил во время нашей встречи на кладбище? Не надо смотреть далеко, враг где-то рядом? Похоже, он не просто рядом. Он уже затесался в наши ряды.

Я оценивающе посмотрел на Цыгана. Какое-то время он мой взгляд выдерживал, потом начал моргать и отвернулся.

– Расскажи-ка о своей поездке подробнее. А то я впопыхах половины не понял.

Цыганков рассказал. Картина вырисовывалась малоприятная. Одно утешало: следов Холоновского там не наблюдалось.

Мой лучший друг Миша Кушнер давно строил бизнес в Прибалтийских странах, Белоруссии и Калининграде. На пару с батяней, которого там помнили еще с советских времен. Занимался, как и здесь, торговлей лекарствами. И занимался успешно. В ущерб интересам нашего холдинга. По бумагам, которые раздобыл Цыганков, выходило, что Кушнеры перехватили несколько крайне выгодных контрактов, которые мы могли бы заполучить. Их фирма действовала не только за границей, но и в Питере, и на всем северо-западе. Название я слышал давно, вот только мне в голову не приходило связать вывеску с именем ближайшего друга.

Ну и дружок...

Фирма Кушнеров вела себя агрессивно, стараясь потеснить конкурентов. Так что неудивительно, что для Михаила наняли киллера. Удивительно, что его папа до сих пор жив. И куда пропала эта сучка по имени Ольга? Впрочем, она-то, скорее всего, не при делах...

Чем больше я думал, тем больше мне вспоминалось нюансов, которым

я прежде внимания не придавал, но которые теперь, в новом контексте, приобретали неожиданное значение. Мозаика складывалась без изъянов. Только не совсем ясно, зачем Кушнер-старший так много мне рассказал на поминках. И каким боком весь этот фармацевтический беспредел может быть связан с похищением моего сына?

– Хорошо, – сказал я. – Хорошо! Что будет дальше? Ответь мне, как профи...

– Они позвонят, – уверенно произнес Цыганков. – И назначат новую встречу.

Глава восьмая

Обмен

Они действительно позвонили.

Не они, а она. Девушка-«лошадь».

Я проспал меньше часа, когда подал голос сотовый телефон. Разглядев на дисплее «эмтээсовский» номер, я вскочил и на цыпочках вышел из спальни.

– Алло!

– Как настроение? – ехидно поинтересовалась она.

– Почему сорвалась встреча?

– Сам знаешь!

– Не знаю.

– Короче, наши условия прежние. На том же месте в тот же час. Сто тысяч зеленых.

Разговор прервался, как будто ей зажали рот. Чуть позже зазвучали гудки. Я почесал голову. Профи Цыганков не ошибся в предположениях, на связь они вышли... Что будет дальше?

Я принял душ и попробовал бриться. Ушибленная клешня плохо держала станок, и я дважды порезался, да и челюсть неожиданно стала болеть от прикосновения лезвия, так что утренний туалет я завершил в сжатом темпе. Выпил чашку черного кофе, выкурил сигарету и позвонил Цыганкову. Он ответил мгновенно. Выслушав, уточнил:

– Встречаемся в офисе?

– Да. Свяжись с Татаринцом. И пусть моя охрана подтягивается...

– Сейчас будут, Константин Андреевич!

Через пять минут у моего подъезда затормозил джип. Один «телок» выскочил и метнулся в подъезд, второй прошелся вдоль дома, приглядываясь к запаркованным вдоль газона тачкам.

Инга спала, когда я уходил.

В офисе меня уже ждал Цыганков. В свежем костюме, бодрый, сосредоточенный. Как всегда бывало в кризисные минуты, его офицерская выправка особенно бросалась в глаза. Вскоре подтянулся Рамис. Помятый, всклокоченный, с запахом алкоголя. Настоящий спортивный костюм, который он нацепил, смотрелся турецкой подделкой. Контраст был не в его пользу, и Лев Валентинович, чувствуя мое настроение, приосанился еще больше.

Вопрос о ста тысячах был злободневным. Вчера я лишился почти всей свободной налички. Конечно, кое-какие меры были предприняты, и не стоило сомневаться, что к нужному сроку деньги у меня будут, но это требовало определенных усилий и нервных затрат. А Татарин неожиданно заявил:

– Есть барыга один, он мне обязан... Короче, он ждет звонка. В течение часа подвезет деньги, куда я скажу.

Стоило видеть, как напрягся Лев Валентинович! Все его подозрения, как высказанные, так и скрытые, отпечатались на лице. Хорошо, Рамис сидел к нему спиной. А то бы дошло до дуэли.

Я закурил и посмотрел на Рамиса сквозь дым:

– А нас в ментовку не привлекут за вымогалово?

Он криво усмехнулся и покачал головой: не привлекут.

Предложение Рамиса решало некоторые проблемы, и я распорядился:

– Звони!

Он достал сотовый телефон, не задумываясь, набрал номер:

– Алло, Петь, ты? Значит, давай через полчаса на Рубинштейна. Там, где пивнуха ирландская...

Цыганков молчал, поджав губы. И не проронил ни единого слова, пока Татарин не отбыл на встречу. Потом выразительно посмотрел на меня. Я упредил готовый прозвучать вопрос:

– Я знаю этого Петю, не напрягайся.

– Интересное все-таки совпадение...

– Говорю же, расслабься! Татарин просто выслужиться хочет. Тем более, знает прекрасно, что я – не казино, от меня деньги вернутся. Сейчас главное – вытащить сына. Разбираться будем потом. Как, по-твоему, сегодня получится? Прорвемся?

– Я подготовил расстановку сил и средств...

... Дорога до «Лесной» заняла у меня сорок минут. ДТП больше не было. Был гаишник. По какому принципу он меня тормознул, сказать не могу. Во всяком случае, я не нарушал правил.

Выходить из машины не стал. Опустил стекло и небрежно сунул инспектору «бумажник водителя». Представил себе, как наострился Цыган, лично возглавивший группу прикрытия. Вдруг это очередной трюк, и гаишник – не представитель племени честных взяточников, а оборотень из МУРа, сотрудничающий с похитителями ребенка?

В моем бумажнике было много всякого, но не было документов на «запорожец». Инспектор оказался с чувством юмора. Разглядывая ламинированную карточку с данными «БМВ-Z3», постучал жезлом по

заднему боковому окну:

– Новая модель? Воздушное охлаждение, как у «порше»?

Чертыхаясь, я вытащил из-под солнцезащитного козырька нужные бумаги.

Возвращая их, гаишник с доброжелательным интересом спросил:

– Если не секрет, зачем это надо? В гонках участвовать?

– В гонках, так точно. На выживание.

– Я слышал, крышу срезают и гоняют по пляжу.

Сказав про гонки по пляжу, он напомнил мне историю десятилетней давности.

Летом девяносто четвертого Плакса снял домишко под Зеленогорском. Это была совершенно конкретная развалюха, но – в ста метрах от побережья. Ездили туда отдыхать. Шашлычки, водка с пивом, девчонки. Мне-то выбраться удавалось не часто, а вот Леха и Плакса там регулярно бывали. Плакса тогда со своей первой женой познакомился.

Однажды в лесу, довольно далеко от трассы, Пучковский нашел «запорожец». Без номеров и без одного колеса. Кабина не заперта, ключи – в замке зажигания. Как он там оказался? Никто так никогда и не узнал. Грибник какой-то заехал? Угонщики спрятали? Плакса шутил, что это не машина, а замаскированный инопланетный корабль. Зеленые человечки на нем прилетели и бросили.

«Запорожец» простоял еще несколько дней, прежде чем Пучковский прикрутил запаску и перегнал его во двор нашего дома. Постепенно машиной начали пользоваться. Сначала просто гоняли в магазин за водкой, прикалываясь над несоответствием тачки нашему, так сказать, внешнему облику. А потом Берестнев как дипломированный автослесарь и Леха в качестве подсобного рабочего взялись за усовершенствование конструкции. Срезали крышу, сварили из труб каркас безопасности, как на спортивных автомобилях, навесили «кенгурятник», всякие фары, отражатели, псевдоантенны, лобовое стекло затонировали настолько, что даже в солнечный день ни шиша не было видно. И до самого октября, пока не стало окончательно холодно, с ревом рыскали по окрестностям, пугая баб и приводя в недоумение отдыхающих бизнесменов. Берестнев, наигравшись, быстро уgomонился, а вот Пучковский прилип к игрушке настолько, что даже подумывал, как забрать ее в Питер.

Куда «запорожец» делся – не помню. Наверное, так и бросили под Зеленогорском. Но прошло несколько лет, и появилась мода на такие переделанные машинки. Пучковский как-то заметил: приятно быть основателем нового направления в организации отдыха.

– Ага, по пляжу... – сказал я гаишнику. – А еще можно на мобилах гоняться.

– Как это?

– Включаешь виброрежим, кладешь трубку на стол и звонишь себе. У кого раньше со стола упадет, тот и выиграл.

Гаишник хохотнул. Отпускать меня ему не хотелось, я это видел. Он обладал немалым опытом дорожно-патрульной работы и чувствовал, что со мной что-то не так. Выделялся я из общей массы, которую он ежедневно пропускал мимо себя. Несоответствие моей личности и машины его настораживало. Он думал, какую бы проверку еще учинить и чем подобная инициатива может для него обернуться. На досмотр салона он не решился. Хотя сумку, брошенную на заднее сиденье, заметил и чуть не прожег взглядом в ее боковине дыру.

Возвращая документы, с деланой небрежностью кивнул на крыло:

– Стуканулись? Свеженькая-то царапина...

– Ага. «Шестисотый» на светофоре воткнулся.

– Счастливого пути!

Пожелание осуществилось, и к станции метро «Лесная» я добрался без приключений. Только выключил двигатель, как зазвонил телефон. «Лошадь» была деловита и лишних слов не использовала. Инструкции звучали понятно. Я подтвердил, что запомнил, и «лошадь» попрощалась самым неожиданным образом:

– Если все будет нормально, ты больше меня не услышишь.

«Зато, надеюсь, увижу», – подумал я, бросая трубку на сиденье.

Вокруг было много девушек. Спешили в метро, ждали автобусов, торговали. Пили пиво с парнями, одиноко курили, трепались с подругами. Где-то среди них должна была быть и «лошадь». Таких, чья внешность соответствовала ее голосу, оказалось неожиданно много. И все вели себя подозрительно. Одна так и вовсе открыто пялилась на мой лимузин, теребя висящий на груди мобильник. А другая, стоя с открытой бутылкой «девятки», за пять минут так ни разу к ней и не прикоснулась. И ни разу не повернулась лицом. Смотрела куда угодно, но только не в мою сторону. Даже со спины было видно, что она сильно нервничает.

В толпе были заметны и люди Цыгана. Сначала я срисовал Глеба, а потом вычислил и остальных. Куда их столько нагнали? Получалась слишком густая концентрация наших людей на один метр тротуара. Оставалось надеяться, что противники не столь глазасты, как я, и проморгают подставу. Они могут ожидать двух-трех топтунов, но не дюжину же!

А может, тот же трюк они применили и сами? Выпустили целый табун «лошадей», вот я и запутался?

Ладно, хорош расслабляться! Пора дело делать. Сыщик из меня никудышный, так что нечего забивать голову тем, в чем не смыслю. Цыган разберется, кто тут «лошадь», а кто – безобидная пони. Все-таки он – настоящий полковник. Да и «лошади», если ориентироваться по прозвищу, – его прерогатива.

Звонить ему я не стал. Он должен был контролировать эфир сканером и засечь наш с девушкой диалог. Вырулил со стоянки и, тарахтя немоощным силовым агрегатом «жопарика», взял курс в сторону Мурино, к выезду из города через Токсовское шоссе.

Я проехал Токсово насквозь, на одной из развилок повернул направо и через пару километров сбавил скорость, выискивая место, о котором говорила Лошадь. Моя машина была не только видна, но и слышна издалека. Бригаде прикрытия, возглавляемой Цыганковым, давно пришлось остановиться и довольствоваться пеленгацией радиосигнала с «маячка», вмонтированного в задний фонарь «запорожца».

Я повернул на грунтовку, которая привела меня на площадку, где были разложены автопокрышки и какие-то ящики – очевидно, для отработки навыков маневрирования учениками. Судя по многочисленным отпечаткам протекторов, место пользовалось успехом. Но сейчас здесь никого не было. Я миновал площадку и вскоре заметил обвязанную вокруг дерева белую ленту. Не будь этого знака, о котором предупреждала девушка-лошадь и я бы прозевал поворот.

За помеченным деревом в сторону от грунтовки отходила даже не дорога, а какая-то просека. Скорость, и без того невысокую, пришлось сбросить до минимума. По боковым стеклам «жопарика» скребли ветки, о днище шваркали камни. Попадались и лужи, в которых машина, окунаясь по самые ступицы и возмущенно стрекоча двигателем, месила жидкую грязь.

Примечания

Часть внутренних войск, расквартированная в Санкт-Петербурге и регулярно привлекаемая для несения в городе патрульной службы (*мил. жаргон*).

«Наркоманская» статья Уголовного кодекса.